

УВАЖАЕМЫЙ РЕДАКТОР !

Пересылаю Вам для напечатания в литературном издательстве мои воспоминания, которые лучше озаглавить: "Воспоминания Сибиряка периода 1895-1920г.г." В них я кратко останавливаюсь на некоторых сторонах возрастающего недовольства народных масс жизнью при самодержавном строе, росте революционного движения среди них, участие рабочих, служащих и молодежи в этом движении в Томске.

Краткое содержание и этапы воспоминаний я излагаю вначале.

Врач-пенсионер РЫМАРЕВ Георгий Семенович.

г.Свердловск обл.
8-е Марта 78а кв.14

Хочу сделать некоторые добавления к странице № 68.

АТОНИ
ЮТИБУ
ЧЕЛОВ 210
СВЗНА 35

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

1. Вступление.
2. Детство.
3. Война с Китаем.
4. Гимназия.
5. Мальчик в магазине "Второва С".
6. Очевидец революции 1905 г.
/ В горящем здании Управления железной дороги на Соборной площади заживо погибли в огне сторонники революции в октября./
7. Вновь гимназия.
8. Создание литературного кружка у Никитина В.
/ Встреча с Кировым С.М./
9. Майские демонстрации и участие в них.
10. Работы от переселен. управл. в изыскательных партиях по проведению шоссежных дорог в каникулярное время.
11. Обструкция учителя Вайнфельд.
12. Работа в обществе экспериментистов.
13. Начало учения в Университете и смерть отца.
14. Профессорско-дисциплинарный суд в связи с почтением памяти Льва Николаевича Толстого.
15. Работа на газовом заводе при Университете.
16. февральская революция и участие в ней.
17. Служба фельдшером в тюрьме.
18. То же на землечерпательнице "Сибирская XI".
19. Мобилизация в Белую армию.
20. Служба в Красной Армии.
21. Работа в клинике Университета.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Начиная воспоминания, я немного коснусь своей родословной, о которой говорили родители : отец Семен Степанович 1861 года рождения и мать Марина Николаевна 1863 года. Жили мы на окраине Томская в " Заозерьи ", на Ведяной улице, детство провели в одном квартале, но друг друга не знали. Дед по отцу Степан Евдокимович считался Тобольским, но он там и не был. С его слов известно, что какой то прадед пришел в Сибирь с Ермаком Тимофеевичем. Дед часто отлучался из дома на заработки на 1 иногда 2 года. Вся небольшая избушка, хозяйство и 6 ребят, в том числе и мой отец лежало бременем на моей бабушке Марии Ивановке, которая с большим трудом справлялась. Жили очень бедно. В этом же квартале на Ведяной 15 с другого конца жил дедушка по матери - Дроздов Николай Федотович, он в молодости был крепостным помещика Калужской губернии, который его за какую то провинность приговорил наказывать розгами и на ночь до утра бросил под замок в сарай. Он же ночью убежал, а на Урале встретил девушку Софью, такую же сбегавшую от помещика другой губернии. Они поженились и пришли в Томск. От нее и родилась моя мама Марина. Вскоре Софья умерла, дед женился на другой и Марина стала падчерицей. В это время заму» выдавали не считаясь с желанием молодых. Мой отец вернулся с действительной военной службы, один раз увидел Марину на улице и пошел с сватом к дедушке. Другие дочери от мачехи узнали причину прибытия гостей, сообщили Марине и она через щелку в двери видела Семена. Сват по рукам и дело закончено. Через месяц свадьба.

Я родился 1-го апреля 1891 года здоровым ребенком, на 12-м месяце, начал ходить, но заболел натуральной оспой, долго лежал в эвбке, часто топили железную печку, так как был сильный мороз. В углу висела икона в деревянном киоте и вдруг киот треснул с резким звуком. Окружающие решили, что я обязательно умру и советовали матери срочно сшить смертную рубашку. Она ее тут же и сшила. Отец вернувшись с работы туго перевязал и туловищу мои руки, он берег мое лицо, что бы его не расчесал своими пальцами. Отец по ночам почти не спал. Я выжил, но не ходил до почти 3-х лет, соседи говорили, что я буду сиднем и ходить, вообще не буду.

Как то летом я выполз на проезжую улицу, а пара лошадей с колокольцами и пьяными пассажирами мчится на меня. Мама услышав звон выскочила на улицу, но уже поздно; лошади промчались через меня не задев копытами и колесами. После этого события, я вскоре встал на ноги и пошел.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Г.Томск 1895-1905 гг.

Лето 1895 года .Вспоминаю начала моей сознательной жизни.

Мне шел 5-й год. Жили мы в деревянной избе на квартире у Комарова. Помню у стен стояли 2 деревянные кровати. На одной спали отец, мать и я, а на второй хозяин с женой и двумя детьми - сыном и дочкой, немного старше меня. Ближе к потолку тянулась проволока, на которой были укреплены яркие ситцевые занавески с красными цветами. Мать хозяйна-старушка спала на русской печи. Из обстановки помню: 2 стола, деревянные лавки, табуреты и цветы на окнах. В комнате было три окна на проезжую улицу, а одно выходило во двор и еще одно окно из кухни, где также находился стол, за которым мы и ели. Дом был довольно старый, пол некрашеный, немного покосившийся.

Дом находился на Загородной улице, " на болоте ", так называлась эта часть города. Весной и осенью было много грязи, часто едущие на лошадях застревали колесами экипажей, для пешеходов были сделаны деревянные тротуары. Летом же было много пыли. Двор полузакрит крышей. Хозяин имел собственную лошадь, на которой он что-то работал. Верота немного покосившееся из-за болотистой почвы. Особенно помню подворотню-доску, которую хозяин при проезде во двор всегда поднимал и закладывал. У щекотки каитки свешивался ремешок, которым поднималась щекотка, закры-

важная калитку. Вот тут то однажды со мной и приключилась беда, которая запомнилась отчетливо на всю жизнь. Дома остались я и бабушка. Я вышел во двор, а калитка оказалась не полностью закрытой. Я потянул ее и выбрался из двора на волю, большое появилось желание перебежать улицу на противоположную сторону, но там показалась собака, залаяла и пришлось вернуться обратно.

В то время нас-ребят - частенько пугали за провинности городскими, у нас к нему появилось чувство какого-то страха.

Вдруг я увидел идущего по тротуару в мою сторону и услышал топот каблуков и бряцание сабли не городского, а самого околоточного. На нем была светло-серая шинель, фуражка с кокардой, довольно большие закрученные усы, на боку висела шапка и позвякивали шпоры на каблуках. Что было делать? Я побежал к калитке, а она захлопнулась, мои толчки не помогли, я заорал, бросился в подворотню, но оттолкнуть ее не мог. Околодочный все ближе и ближе. На мой крик и слезы, он что-то сказал и прошел мимо. Не помню сколько прошло времени, как мне бабушка открыла калитку и запустила меня домой.

В то время отец служил обездчиком от Городской управы и ездил за реку Томь наблюдать за сенокосными лугами. Получал он жалованья 15 рублей в месяц, а его казенная верховая лошадь вне служебные часы находилась в конюшне при обзаве Управы. За время этой службы он 2 раза болел плевритом, причиной служили его невольное купанье в весеннее половодье вместе с лошадью во время объезда своего участка лугов.

В 1900 году, летом, началась война с Китаем. Помню, как

мы с матерью и родственниками провожали отца под оркестр, идя сбоку строя колонны, уходящих на фронт. Мобилизованные шли строем на станцию Межениновка / ныне Томск 1 / на которой их ждал длинный состав товарных вагонов / такие вагоны называли 40 человек или 8 лошадей/. При проходах у провожающих были скорбные лица и слезы на глазах, а мобилизованные шли с мешками за плечами уныло, их начальники заставляли петь, создавался искусственный подъем, пели солдатские песни, кое-где играла гармоника, были недружные крики " За веру, Царя и отечество", " шапками закидаем:", " Ура, Ура, Ура ". Дошли до перрона, какой то начальник произнес короткую речь, всех выстроили вдоль вагонов, приказали грузиться и после погрузки заиграл оркестр, поезд двинулся медленно, а я весь в слезах бежал вдоль вагонов, махая платком, пока не упал. Поезд скрылся из вида, мать меня подняла и мы пошли домой.

Мы с матерью переехали к бабушке на Водяную улицу № 15, за озером. Прошло порядочное время как мы получили от отца 1-е письмо из г. Благовещенска на Амуре, где их часть участвовала в боях на село Сахалин.

В письме отец писал, что они по приезде были размещены в казармах на левом берегу Амура. Бывало, что утром, выходя умываться из рукомойников, бывших наружи, они подвергались обстрелу с противоположной стороны реки, из Сахалина. Он описывал, что китайцы имели большие ружья, на ружье при обстреле участвовало 3 китайца: один метился, дуло на плече 2-го, а третий подавал патрон с пулей.

Казармы были кирпичные и обычно нули, передетая Амур, при ударе в стенку расплывались лепешкой. Впоследствии отец в качестве трофея привез их несколько штук домой и еще

очки-консервы в хорошем шелковом футляре с кистью и вышитой надписью на китайском языке/. Он описывал жестокости со стороны казаков, которые вызвали возмущение солдат. Их полк переправляли через Амур на баржах, а сотня казаков уже до них переправлялась по течению выше Сахалина, прибыла немного раньше и когда они двинулись в Сахалин, то казаки его уже захватили и сотни 2 китайцев связанных их же косами друг к другу гнали в Амур топить, а которые замедляли движение тут же на месте рубили шашками. Отец описывал как на его глазах казак распластал шашкой слепого старика нищего и маленького мальчика-его поводиря. Да, было чем возмущаться солдатам. Эта война длилась недолго. К осени отец вернулся домой. Вскоре его по работе перевели смотрителем ассенизационного обоза, который находился за городом в лесу, недалеко от станции Межениновка. В обозе было более 40 лошадей, 20 рабочих, несколько одноэтажных деревянных домов, большая конюшня и другие подсобные постройки. Наша квартира состояла из 1 комнаты и кухни, в которой находился письменный стол, телефон, моя кровать. Здесь отец каждый вечер давал разрядку рабочим, куда нужно было выезжать в ночь на работу по очистке. Положено было на 1 рабочего 2 лошади с таратайками. Установлена норма - в ночь сделать 4 поездки. За работу в месяц жалованье было 25-30 рублей, а отец получал 35 рублей.

Место нашего нового жительства было очень красивое. Крупный березовый лес на сухой равнине с небольшим уклоном в сторону реки Ушайки. Выйдешь, бывало, за свою усадьбу и тут же вблизи находишь белые грибы, обабки, большие сорвешь, а маленькие прикроешь

листом до следующего раза, «ден когда подрастут.
Идешь дальше, встречаешь болотце и от него ложок, тянущийся к полотну железной дороги, проходишь по нему и через туннель пересекаешь железнодорожный путь, слева видна небольшая гора, а справа большое болото, идущее параллельно реки Ушайки. Это болото около километра тянулось до дороги, которая проходила из города на Степановку / дачная местность на берегу реки Ушайки/. Это болото впоследствии служило западней для полицейских, разгоняющих маевки. Оно было хорошо тем, что кочки и трава были высоки, рос смешанный небольшой лесок и кустарник.

Лошади полицейских, испуганные камнями, которые летели в них из наших пращей, а изредка и покрупнее и из рук, шаркались в сторону и, попав в болото, вязли в грязи, а участники маевки скрывались в нем и выходили в противоположную сторону...

Меня отдали учиться в 2-х классное церковно-приходское училище. Угол Нечаевского переулка и Солдатской улицы / ныне Красноармейская/. Учился я хорошо. Сидел на одной парте с сыном лавочника. Однажды я случайно пролил чернила на его букварь. Он мне предъявил счет, уплатить 30 копеек, хотя новый букварь стоил 20 коп. и грозил избить меня. Мы с ним договорились, что я буду уплачивать ему постепенно по 2 копейки из денег, которые мне давала мать на конфеты. Меня эта казала угнетала; в течение недели я уплатил 12 коп. и заявил, что больше платить не буду, так как букварь остается у него же.

После уроков подрались и я вышел победителем, домой явился в синяках, заявил, что при случайном падении с дерева ушибся.

Но этим дело не кончилось; спустя несколько дней мой сосед по парте в школу не пришел, а я возвращался домой лесом и вдруг вижу мне навстречу идет он и еще двое больших ребят. Дни напали на меня, у одного из них была гиришка на веревочке и он с размаху хватил ею меня по голове, я свалился в снег, потерял сознание и, придя в себя, через какое-то время отряхнулся и с запозданием был дома.

На следующий день в школе, я попросил учительницу пересадить меня на другую парту, а о нападении промолчал. У меня появилось желание учиться, и, будучи учеником школы, попросил отца нанять мне репетитора- студента и после школы ходил к нему заниматься. Был допущен к экзаменам для поступления в классическую гимназию и выдержал. Это было целое событие не только в нашей семье, но и среди всех родственников, которые никогда не мечтали, что можно учиться в гимназии сыну какого то простого мещанина вместе с дворянскими и чиновничьими детьми

Гимназия находилась на углу Спасской и Нечаевской улиц /ныне Фрунзе- военное училище /, напротив городской сад, налево от него - солдатские казармы, а направо Кафедральный сабор. На противоположной стороне сада была лютеранская кирха, через улицу от нее - Губернаторский дом / его квартира /, а рядом- тюрьма, с другой стороны большое, с колоннами здание Губернского управления.

Мой путь от гимназии до дома / 3 км / немного удлинился. Обычно из гимназии мы шли через сад на Александровскую улицу и по ней мимо сада Буфф, дальше- через лог/в котором впоследствии была построена баня Гримова /; поднявшись в гору я выходил на тверскую улицу и сворачивал на дорогу направо в лес. По этой дороге движение было редкое, идешь особенно зимой, - справа и слева стоит лес, покрытый кучей красиво кругом,

тихо, только иногда синицы перелетают с дерева на дерево. И вот однажды иду и вдруг вижу, недалеко от дороги стоит мужчина в полуботке у березы. Я крикнул, он мне не ответил, тогда, заинтересовавшись, по целине снега, начал к нему пробираться, немного не дошел и увидел, что он... удавился на веревке, протянувшейся от сука березы. Пришел домой, рассказал отцу, он позвонил в полицию, а на утро, когда я шел в гимназию на учебу, то было как-то жутковато, тем более, что еще в 9 часу на рассвете был небольшой туман. Учился я до 3-го класса хорошо.

Я уже имел собственные карманные деньги. Мать регулярно давала мне на завтрак 5 коп. / зимой за дачу нашей корове сена и уборку навоза, а летом за выгон ее утром в стадо/. Все хорошо, но трудно было утром вставать около 6 часов, а после дойки коровы матерью, выгонять ее в проходящее из города стадо. Я очень любил читать книги, иногда читал до 12 часов ночи.

Из-за этого чтения я однажды чуть не устроил пожар. / Была у меня толстая интересная книга автора Рекамболь, где подробно описывалась река Темза, Лондонские трущобы и все, что там творилось. Еще увлекались : " Пинкертон", " Ник Картер", " Шерлок-Холмс" и др., эти книжечки стоили по 5 коп. Родители мне запрещали читать после 11 часов и я устраивался в своей кухне так: стол закрывал одеялом, под столом приспособил керосиновую лампу, а сам с книгой там уселся. Сколько прошло времени не знаю, только отец меня вытащил сонного, одна ножка стола, доска и часть одеяла затледа, а я весь был в саже. Ну, конечно, после этого случая, чтение по ночам прекратилось.

В этот период увлекались ловлей щеглов, снегирей и чечеток. Был у меня товарищ по дому Пашка Валентов, а в гимназии Костык- ученик 5-го класса.

Вот мы втроем ходили на отвал, куда вывозились из города нечистоты, там было много репья, крапивы, лебеды, там ставили наши западни, особенно по воскресеньям. Иногда ловля была удачной - ловили по несколько штук.

Я любил щеглов-чистаков и снегирей. У нас появилось воинственное настроение. Однажды в воскресенье под командой уже взрослого Костыка вооруженного кинжалом, мы напали на другую группу мальчишек и отобрали у них 3 западни с щеглами. А в понедельник во время урока вдруг меня вызывают к инспектору Полякову / там был и наш классный наставник и учитель русского языка и словесности Вяткин П.А. /.

Выяснилось, что из группы пострадавших "с щеглами", был сын нашего классного наставника Вяткина, ученик 2-го класса, а я был в 3-м и его не знал. Он же меня опознал. Инспектор очень ко мне приставал, спрашивал, кто был с нами большой мальчик в гимназической форме. Я его не выдавал, убеждал, что это мальчик - сын одного рабочего из нашего обоза и что он в гимназии не учится.

Я дал слово, что верну западню с щеглами и что это больше не повторится. Наказание - 2 часа темного карцера под лестницей после уроков. Швейцар меня проводил в карцер, закрыл на всякий замок, а когда открыл, то я очень обрадовался солнечному свету ; сидя в карцере, боялся, что меня укусит крыса. Меня смущал шорох, да и перед этим были разговоры о имеющих-ся в карцере крысах. После этого пропал интерес к нападениям.

Появилось другое. Отец, однажды вернувшись домой, за обедом рассказал, что был у нашего старого хозяина квартиры Комарова и что он привез из района мороженых рябчиков и продал их целый короб на базаре по 15 коп. пару и что на базаре покупают сорок по 7 коп. за штуку, но чтобы хвост у них был цел. Оказывается, что сорочьи хвосты отправляются в Париж на дамские шляпы. Это сообщение запало мне в голову и я решил реализовать его. Я добился у отца разрешения на стрельбу из ружья и выпросил купить мне ружье. Отец купил мне берданку 20 калибра с патронгачем и патронами за 5 руб. 60 коп. Это было целое событие. Пашка Валентов, тоже добился помпольного ружья. Дела за сороками не стало. Их на отвале очень много. Вот мы с Пашкой устроили балаган недалеко от места, куда должны были садиться сороки, сами спрятались и из своей засады, в 1-е же воскресенье настроляли около 40 штук. Мы действительно на этих сороках заработали вдвоем почти 60 руб., но потом это дело прекратилось. Уехал покупатель и все; у нас даже сороки остались непроданными.

Город рос, дорога на станцию начала превращаться в шоссе. В нашем лесу были прорублены 2 просеки для будущих улиц. Мы их так и называли: 1-я и 2-я просека. Однажды, собирая грибы и землянику, встретил мужчину, женщину и ребенка лет 2, ехавших на телеге в лес. Я от них ушел довольно далеко, а возвращаясь обратно, вдруг увидел лежащих на траве женщину и ребенка, а мужчины с конем и телегой вблизи не было, остался только след в сторону тракта. Они были убиты и около них валялись несколько штук камней-

бульжников. Вернувшись домой я рассказал о всем виденном. Отец позвонил и вскоре прибыла полиция для поднятия тел и меня допросили. Был составлен акт, тела увезли в анатомку, тем все и кончилось. У городской управы был еще 2-й рабочий обоз в городе - лошадей на 30. Заготовку сена для обоих обозов управы делали на территории прилегающей к нам. Сена обычно заготавливалось много зародов. Отец был ответственным за сохранность его.

Вспоминаю, однажды отец рассказал, что в помещении Управы, куда он обязан был ежедневно ездить по делам обоза, его встретил пристав 1-го участка, в который по месторасположению входил и наш обоз. Пристав заявил отцу: "ты мне приведи в участок для моих лошадей 2 воза сена".

Отец ему посоветовал о этом вопросом обратиться к члену Управы Свинцову за разрешением и если он ему прикажет письменно, то его распоряжение будет выполнено. Сено казенное и он за него отвечает.

Пристав на это резко ответил: "смотри, если не привезешь, то увидишь сам, что будет" и ушел.

Как я потом узнал, об отце было мнение в Управе и среди знакомых, как о либерале, что к рабочим он относится хорошо, а это в глазах начальника в то время было плохо. 2 недели прошли в некотором напряжении: пристав, не получив взятку сеном, сделает какую-нибудь неприятность. В этот период в народе нарастало настроение против полиции, особенно в пьяном виде это выливалось наружу и частенько полицейских обывали "кружками", задержанных обычно полицейские изобьют, до утра продержат в кутузке при участке, тем дело и кончалось. И вот

только через месяц, как помню, под утро, часу в 5-м вдруг стук, появляется пристав, 1 полицейский и штатский. В доме переполох, полицейский встал у дверей, чтобы никого не пускать, пристав, слышу, говорит отцу, что он социалист и чтобы он сам отдал ему книги и прокламации, которые он хранит.

Отец на это измышление стал ему возражать и говорит: "ищите?" Штатский в первую очередь стал рыться в моих книжках, в сундуке, под кроватью и в шкафике на стене. Просматривая книги, ему попали две брошюры: М. Горький "Проходимец 7 и", "Скиталец" — стихотворения. Он их предъявил приставу, как запрещенные; тот заявляет отцу: "вот видишь, какие недозволенные книжки у твоего балбеса". Отец возразил, что они разрешены цензурой. Тот на него с криком: "не разговаривай, сгною в тюрьме, не признаешь властей". Наступила кратковременная тишина. Потом пристав начал просматривать эти книжки сам и увидел, что они отпечатаны в Петербурге, в столице самого царя и несколько успокоившись приказал отцу идти с ним осмотреть двор. Они направились к конюшне, дворовой уборной и помойной яме, вернувшись обратно в контору — пристав сел за стол, вынул блок-нот, написал протокол на антисанитарное состояние уборной, наложил штраф 50 рублей и дал отцу подписать. Тем дело и кончилось, штраф управа уплатила, а пристав сено не получил; мы с мамой переживали, боялись, что отца уведут под арест.

"За веру, царя и отечество" — эти 3 положения служили основой всей жизни в царской засиженной самодержавием России. В семье, школе, на службе всюду твердилось о могуществе

царя-помазанника на престол самим богом. В гимназии была церковь; мы обязаны были перед началом учения быть в церкви на молебне.

Перед началом 1-го урока дежурный читал молитву:

" Преблагий господи"... Дома - только проснулся- обязан помолиться перед иконой, адишься за стол - перекрестись, соблюдай посты, говей. Я, когда стал повзрослее, узнал, что поп- это хуже всяких полицейских и даже шпиков. В нашей приходской Ярлыкской церкви был отец Василий, у которого в особой книжечке был заведен учет всех говевших в пост; а которые не соблюдали постов, то они состояли в особой графе, как подозрительные лица и о них сообщалось куда следует. Жизнь была в труде, но для - души культуры никакой: гимназистам запрещалось даже посещать театры и другие увеселительные зрелища. В жизни рабочих была безпросветная тьма.

Я, ученик 3-го класса гимназии, все больше и больше становился недовольным окружающей меня жизнью. у меня появилось большое желание зарабатывать деньги на жизнь своим собственным трудом. Меня начало тяготить, что я живу за счет труда моих родителей. На каждой бумажке, даже частенько и в книге я писал " Я жить хочу, свободу надо ". Жил я среди рабочих, видел драки, пьянство, избивание народа полицией, иногда, когда казаками во время демонстраций,... а кругом была замечательная природа, куда обычно я любил уходить за грибами в лес, купаться и рыбачить на реку Ушайку к Степановне. Я чувствовал, что с каждым годом расту, силы во мне прибавляются, а применение им нет. Разрядна этого стремления вылилась в то, что я бросил учебу, несмотря на то, что учился

хорошо и уговорил отца отдать меня мальчиком в магазин Второва. Как отец меня не отговаривал, не советовал этого делать, я настоял на своем. Я стал мальчиком фирмы "ВТОРОВ И С^н", жил в общежитии 2-х этажного дома по Дворянской улице / ныне Равенства / против старого благовещенского собора. Нас-мальчиков- было 22 человека, большинство из деревни, малограмотные, в возрасте до 20 лет. Занимали мы весь нижний этаж, в комнате было по 4 человека, оборудование хорошее, каждому отдельная кровать, тумба, общий гардероб, большой стол для занятий. Распорядок дня: в 6 час. подъем, завтрак в столовой, а в 7 часов уходили по магазинам на работу, после 6 часов вечера возвращались в общежитие.

Наша работа: подметание пола щетками с опилками, приходилось таскать куски мануфактуры и другие товары, ставить самовары для завтрака приказчикам, вся посылная работа, а в свободные промежутки времени нас учили торговать. Принцип был: в каждом магазине наблюдал за приказчиками доверенный, чтобы они обращались с покупателями вежливо и умели так уговорить покупателя, чтобы он не ушел из магазина ничего не купив. Иногда приказчикам было очень трудно, бывали такие покупательницы, что в конце замучивали приказчика. Он ей поставит перед прилавком стул, а она, сидя, указывает ему пальчиком в перчатке, вот тот, или вот другой кусок мануфактуры на верхней полке покажите. Он двигает лестницу в одну или другую сторону достает куски, на бросает их на прилавок целую гору, сам уже в поту, а она уходит не взяв ничего. Вот бывали такие надевательства со стороны отдельных покупательниц. А доверенный косится на приказчика. Моя деятельность

началась со старого магазина на базарной площади за деревянным мостом через Ушайку. Работой я вначале был доволен, беготни много и в 1-й месяц моей работы, помню, я очень старался сапогом раздуть самовар, тщательно подметать пол опилками, а один помятой рижий приказчик Зорин, узнав, что я учился в гимназии и ушел из нее, частенько мне говорил: "Эй халуй, сбегай-ка в ресторан за водкой, мне некогда будет зайти самому, а она мне срочно нужна после работы, дурак, ты дурак, зачем ушел из гимназии, зачем бросил учиться, был-бы человеком". Недалеко от магазина была биржа, на которой иногда снапливалось до 50 извозчиков. Они обычно располагались в ряд и по потребности, соблюдая очередность, увозили пассажиров в разные концы города не более 3-х человек. Стоимость проезда была за 1 конец двухгривенный / 20 коп. / и четвертак / 25 коп. / за Ушайку. Я, как хорошо грамотный и исполнительный, поручения выполнял аккуратно, быстро и после 2-х месячной работы был переведен в большой новый магазин у деревянного моста в отдел: шерсть, сукно, шелк, потом в шерсть, в отдел готового платья.

Помню, однажды к нам приехал сын хозяина фирмы-Второв Николай Александрович- молодой толстый купец, он меня подзвал, дал 25 рублевую бумажку и послал купить ему в соседнем табачном магазине коробку сигар / 10 штук /. Я купил, принес и все поражаюсь, что за эти деньги можно купить хорошую лошадь. Люди у нас в массе - бедняки, а отдельные купцы богачи бросают деньги на ветер.

Мы же, мальчики, у него не получали никакого жалованья. Считалось, что мы учимся, а когда через 4-5 лет будем приказчиками, то тогда и установят нам оклад.

Деньги нам жаловали 2 раза в году в виде подарка к Рождеству Христову и Пасхе. К празднику я получил, как новичек, 2 рубля, а мальчишки, бывшие в этом учении от 2-х до 4-х лет, получили по 10 руб. и даже 15 руб.

В сентябре 1905 года меня перевели в оптовый отдел, где доверенным был Керженцев. Этот Керженцев был знаменит тем, что приминал к "Союзу Русского Народа", был ярым черносотенец, как потом выяснилось. У эконома общезития, живя в нем, я пользовался, как темич, льготой: по воскресеньям ходить домой после завтрака до 6 часов вечера.

Это был период нарастания революционного движения среди народных масс во всей России, условием к этому была позорная русско-японская война. Везде царил взяточничество и произвол чиновников, купцы же богатели.

Везде и во всем был произвол самодержавия. На страже защиты интересов царя стояли церковь, армия, казаки, полиция, жандармы и вся система царизма. Начались забастовки, демонстрации, особенно после 9 января / кровавое воскресенье /. В Петербурге и других городах события развернулись так, что напуганному царю пришлось дать конституцию 17 октября. В манифесте он много обещал, что несколько задержало ход революционного движения.

20-х / в воскресенье / я, как обычно, около 12 часов дня вышел из общезития, свернул налево за книжный магазин Макушина и направившись на Почтамскую улицу увидел толпу, двигающуюся по деревянному мосту. Впереди несли портреты царя и царицы, громко что-то кричали; я, смешавшись с

толпой, двинулся вперед и почти; поднялись на горку, дошли до архиерейской церкви / ~~на~~ угол Брунзе /.

Толпа остановилась, много было шума, но вот вышел архиерей Макарий, что-то говорил, затем благословил толпу правой рукой и после этого человек 10 отделились от толпы, зашли в церковь и вскоре с хоругвями в руках вышли и встали во главе толпы. С пением " Боже Царя храни " направились все к Кафедральному собору и остановились. Я вначале еще не разобрался в чем дело, а потом выяснилось, что напротив, в большом 4-х этажном здании железнодорожного управления происходит собрание. В толпе говорили, что там собрались революционеры, противники царя, которые хотят погубить нашу Россию. Я видел, что полицмейстер Фукс был у под"езда, с кем-то говорил, убеждал, чтобы собрание прекратить и всем выходить из здания. Там мы стояли более 2-х часов, вдруг вижу, что по этой же Почтамской улице, движется строем человек 50 студентов. В то время городским головой был Макушин Алексей Иванович / главный врач /, который для наведения порядка вооружил в городской управе народную студенческую милицию. Они прошли через толпу, предлагали разойтись и заняли под"езд факультетской клиники. Толпа не расходилась. В это время какой-то студент-кавказец выскочил из здания управления, захватил из под бурки кинжал и размахивая им двинулся через толпу, но его удалили дубинкой, быстро смяли, а в это время студенты-милиционеры открыли из револьверов стрельбу в воздух.

Толпа хлынула в сторону мужской гимназии, где я раньше учился, и я с ними.

Тут я наблюдал жуткую картину: навстречу шли 2 гимназиста старших классов в форме. Толпа же, разъяренная стрельбыми студентами, и этих 2-х приняла за студентов, несколько человек бросилось на них и на асфальтированном тротуаре убили обоих. У нападавших были дубинки под полами, я видел уже трупы и кровь.

За городским садом находились казармы, откуда строем в нашу сторону шла рота солдат. Увидев их, вся толпа двинулась обратно, а солдаты, зайдя через ворота в соборную ограду, развернулись вдоль ограды выставив винтовки со штыками между железным решеток наружу в сторону здания управления. Вскоре показались человек 50 казаков, которые на площади спешились недалеко от балкона губернаторского дома. Народная студенческая милиция цепочкой двинулась в здание театра Королева, расположенное сзади управления дороги. Я был там до 5-ти часов, видел, что мальчишки, находившиеся ближе к зданию, подстрекаемые взрослыми, начали камнями разбивать стекла нижнего этажа, а потом через разбитые окна забрались туда и начали выкидывать в толпу папки, разные книги и бумагу. Что мне оставалось делать? Уже наступило время возвращаться в общежитие, а я еще не дошел до своих родителей. Я пошел домой и пройдя с 1/2 километра увидел пламя и услышал выстрелы. Родители оставили меня дома до утра, а утром узнал, что много в эту ночь сожгли людей живыми. Кто же пытался из горящего здания вылезти через окна и спуститься по водосточным трубам вниз, те казаки их подстреливали. Между 2-мя зданиями / управление и театр / был проход в подвале и там много погибло людей.

В этот день собралось много еще и потому, что должны были 20 числа выдавать жалованье служащим дороги.

Вот во что вылились в Томске хорошие обещания Царя, изложенные им в манифесте от 17 октября. Только 3 дня радовались люди, а на 4-й день началась жуткая реакция.

В понедельник магазины были закрыты. В одном окне нашего оптового отдела в зеркальном стекле вижу дыру от револьверной пули, а под утро все окна нашего общежития были разбиты камнями-булыжниками. Нас из общежития не выпустили, а экономом приказал охранять входы в верхний этаж. Над нами была квартира главного управляющего фирмой Чернышева. После этого битья окон по ошибке вместо него у нас, Чернышев струсил и чуть стемнело, ему подали тройку лошадей и он с семьей укатил в село Ярское за 40 км от города, как мы потом узнали. Реакция развернулась во всю; черносотенная толпа ходила по улицам, избивала евреев, громила магазины / особенно ярмарочные /, из некоторых квартир выбрасывали перины, а из одной даже рояль со 2-го этажа. Полиция на все это смотрела сквозь пальцы, а некоторые переодетые полицейские сами участвовали в погромах. Через несколько дней все стало приходить в норму. Студенты пытались организовать демонстрации, пытались закрыть магазины, чтобы работающие выходили на демонстрации, но вот тут-то наш доверенный Керженцев и показал себя, - подошел к бирже извозчиков и обещал им 2 ведра водки за разгон революционеров-студентов. Те быстро их разогнали. Им продолжали работать, но в общежитии экономом был введен более суровый порядок. Он запретил воскресные отпуска к родным.

чаще стал, после ухода нас на работу, проверять наши тумбочки и ящики столов, у некоторых отобрал книжки, которые они читали вечером после работы, взятые из библиотеки. Однажды, в столовой обнаружил прокламацию, но виновника не нашли. Отпуск был разрешен только на праздничные дни Рождества Христова. Некоторые уехали в 3-х дневный отпуск в деревню к своим, а я к себе домой. Несмотря на праздник настроение у меня было подавленное и я начал просить отца взять меня обратно домой обещая, что буду продолжать учиться. Но отец говорил: "взялся за гуж, не говори, что не дюж", сам хотел работать, ну и работай".

Вскоре после праздников, когда мы мальчишки собрались все вместе в столовой и обменивались впечатлениями, все были как-то настороже, экононом следил за нами, он отвечал за свою воспитательную работу в духе самодержавия. Он получал от управляющего замечания. Мы же в ответ начали следить за ним. В режиме дня отбой ко сну был в 11 часов, мы же в ночное время под предлогом выхода в туалетную наблюдали, как он несколько раз пьяненький возвращался ночью в свою комнату. Решили проследить куда он уходит и установили, что в ресторан. В одну из таких ночей, подобрав ключ от наружной двери во главе Пермякова /старшего из нас - 18 летнего/, мы вчетвером ушли. На своих кроватях сделали чучела под одеялами. У ресторана дождались выхода эконома, он должен был возвращаться по переулку более темному и глухому. Мы на него напали, надели на голову мешок, завязали у живота, повалили и отколотили через мешковину молча, ноги тоже

связали, а сами убежали и вернувшись в общежитие улеглись спать. Все сошло благополучно. У нас в столовой было 2 длинных стола для 24 человек, за которыми мы кушали. Обычно за одним с узкой стороны сидел эконом, а за другим бывш. старший мальчик, уже приказчик.

Все проходило как обычно, только мы заметили синяки на лице эконома, но вида не подавали между собой, а он, как-то испуганно оглядывал всех сидевших, но все сошло хорошо. После этого, он стал добрее относиться ко всем нам. В феврале 1906 года моя мама помогла мне вернуться домой. Она настояла перед отцом и тот поехал к управляющему, который выругал за неустойчивость и что он на поводе у своего сына и хочет плодить революционеров, которых надо пороть, а не исполнять их желания.

Огорченный отец вернулся домой без меня; тогда моя мама вечером отправилась в общежитие, забрала меня и все мое имущество домой. Вот так кончилась моя служба у "Второва и С^н."

Через несколько дней отец нашел мне репетитора-студента Гриневич за 100 рублей с тем, чтобы пройти со мной курс за 3 класса гимназии и в мае сдать экзамены. Тут я показал себя прилежным, после всех развернувшихся событий, сдал экзамены и был допущен к учению в 4-м классе. Мои же бывшие товарищи были уже в 5-м.

В гимназии всего было 16 классов: 8 нормальных и 8 параллельных по 40 чел. - всего 600 учеников. Лето отдыхал хорошо: лес, рыбалка, городки, лапта и другие развлечения.

16 августа пошел на молебен в новой форме и взялся за учебу.

1906 - 1913 годы.

Учение в гимназии я разбиваю на 2 периода: 4-й - 6-й классы и наиболее активные 7-й и 8-й классы. 4-й класс ничем особенным не отличался, кроме учения я находил время на чтение произведений Майн-Рида, Жюль-Верна, Уэльса / о вселенной / Белями - " через сто лет ", Богданова - "Красная звезда " и другие были прочитаны в короткое время. Появлялись мечты о путешествиях под водой, по воздуху, на луну, Марс и Венеру. Вдруг появилось в газете " Сибирская жизнь " извещение, что приезжает гастролер, который с инпродрома полетит на воздушном шаре. Через несколько дней я увидел привязанным к столбам веревками большой шар с большой плетеной корзиной, в которой лежали мешки с песком.

В воскресенье стояла хорошая погода, собралась масса народа, приезжий взобрался в эту корзину и размахивая платком стал подниматься в воздух. Был небольшой ветер, его стало относить над городом в сторону реки Томи; было видно, как он несколько раз сбрасывал из мешков песок и облегчаясь вновь поднимался выше.

Сел он на землю благополучно, где-то на лугах за рекой Том. Об этом полете среди горожан Томска было очень много разговоров и о предстоящих для людей возможностях использования во воздуха в будущем. А в Томске в то время не было не только автомашин, но даже велосипедов было мало. Отец мне приобрел велосипед английской марки " Свифт " без свободного хода;

переднее колесо в 2 раза больше заднего, с ручным тормазом и я на нем меньше катался, чем ремонтировал. Но зато при поездках производил фурор не только среди ребят, но и взрослых.

В 5-м классе появилось желание иметь побольше личных денег для покупки книг. Весной, я взялся ренетировать ученика 4-го класса— сына пристава— по русскому языку за 5 руб. в месяц и ежедневно после уроков ходил к нему заниматься на 2 часа. За 2 месяца я заработал 10 рублей, а мой ученик сдал экзамен. Надо сказать, что это был очень трудный ученик, отец его сек иногда, а он становился злее и тупее. Я был очень рад, что мое ренетиторство успешно закончилось и решил больше им никогда не заниматься, а свободное время лучше читать. Не помню названия, но мне повала книга Морозова, посаженного царем на 20 лет в Шлиссербургскую крепость в одиночную камеру, где он просидел их и написал книгу.

В основном содержание было по тому времени фантастическое: он описывал, какая должна быть жизнь людей на земле, какой должен быть труд, чтобы он не был в тягость, а на радость им, приносил бы и материальные результаты. и для духовной жизни. После прочтения его книги и несоответствия всего окружающего, появилось революционное настроение против царя и строя всей жизни.

Мы уже знали, что хорошей жизни для людей добиваются революционеры и студенты. За 2 года совместной учебы мы—ученики хорошо узнали друг друга. Из 42 учеников нашего класса мы 7-ро создали литературный кружок и решили по субботам собираться с 5 час. вечера, читать литературу и обсуждать ее.

В кружок вошли: Авербург Коля, Шинаков Виталий, Рыков Костя, Похвалинский Борис, Никитин Валя, Тьшов и я. Никитин Валя посоветовавшись со своими родителями представил нам комнату на Александровской улице вблизи сада Буфф. Это было очень удобно: их квартира в 4 комнаты в отдельном одноэтажном доме и, кроме Вали, жили только его родители и бабушка. Окна, выходящие на улицу закрывались с вечера плотными ставнями. В комнате Вали стояло пианино, на котором он часто играл; в дни наших сборов, постоянно был накрыт стол с вином и проч. продуктами, тут же фигурировала гитара и балалайка, которые почти не употреблялись. Эти предохранительные меры были в то время необходимы, потому, что ищейки частенько шныряли по улицам и где был свет в поздние часы заглядывали в эти квартиры под разными предлогами. Вот в этой комнате мы и начали изучать литературу: Вах- "Экономические очерки" и Карл Маркс- "Капитал".

В наших занятиях кружка сказывалось отсутствие /руководителя, было много споров, а наши разговоры не находили практического применения. Иногда наши собрания затягивались до 5 час. утра и мы по одному постепенно расходились по домам. Мы все были против царизма, а один из нас- Похвалинский Борис- выявился ярым монархистом и через несколько посещений ушел из кружка. Отец Никитина Вали Евгений Васильевич- иногда заходил к нам и однажды предложил пригласить студента-технолога. Мы дали согласие и в следующую субботу пришел к нам молодой человек в штатском костюме, лет на 6 старше нас и, он как-то просто подошел к нам, назвал нас

"товарищами", а это было со стороны старшего для нас необычно. Он рассказал о тяжелом положении рабочих, которых эксплуатировал капиталист-хозяин на фабриках и заводах, налагают много штрафов, а труд более 12 часов в сутки оплачивают очень низко, особенно женский и детский. И все это рассказал так просто, понятно в простой беседе. Он обратился к нам с просьбой помочь отпечатать листовки - прокламации с призывом к забастовке, добиваться повышения заработной платы, 8-ми часового рабочего дня, отмены штрафов и проч.

Сергея Костриков, как он представился нам, дал рецепт, как самим сделать гектограф, рассказал о технике печатания и дал нам экземпляр газеты "Искра".

Мы были очень рады, что, наконец, - то пришла к нам возможность практического выражения недовольства царским строем и согласились помогать всем, чем можем.

Через несколько дней мы сняли комнатку за 5 рублей в /месяц в 1 1/2 кварталах от Валиной квартиры на Торговой улице 4-й дом от угла Александровской. Глубоко внутри двора стояла старая избушка, в ней жила глухонемая пожилая женщина с дочерью. Избушка состояла из кухни с 1 окном и отделенной тесовой перегородкой комнатки с 1 окном, выходящим в сад и имела подполье.

Дочь хозяйки вскоре вышла замуж и уехала к мужу, а ее мама осталась одна и была довольна квартирантами. Тут мы и развернули свою деятельность, хотя в маленьких размерах. Этот период был особенно тяжелым. Столыпинская аграрная политика насаждения хуторского хозяйства разоряла крестьян. После разгона царем 2-й госуд. думы, в 3-й думе проявление

классовой борьбы внешне снизилось, большинство депутатов были правые, октябристы, кадеты, а социал-демократы представляли очень маленькое число. В партиях шел какой-то непонятный для нас раскол. Сережа Костриков, который изредка приходил к нам разъяснить эту борьбу партий, говорил, что самая лучшая, это социал-демократическая рабочая партия /большевиков/, которая действительно защищает интересы трудового народа и борется с самодержавием и капиталистами.

Будучи в 6-м классе мы, особенно в апреле, готовились отметить 1-е мая массовой демонстрацией.

В одном из классов устроили летучий митинг в большую перемену, по коридору все ходили, как обычно туда и обратно, а в одном классе митинговали и в нем набилось много учеников, было очень шумно, что вызвало подозрение у инспектора Полякова, который и направился в этот класс.

Дозорные сами заслушались оратора Шипакова Виталия, стоящего на столе и прозевали приход инспектора, который его и увидел. Уроки после звонка продолжались нормально.

Прокламации раздали более надежным ученикам для распространения. В кружке распределили роли дальнейшей подготовки. Мне и Тышеву поручили передать пачку прокламаций в Епархиальное женское училище с призывом, чтобы они бросили занятия в указанный час и вышли на демонстрацию.

Епархиальное училище находилось в начале бульварной улицы / ныне проспект Кирова - военный госпиталь / со стороны вокзала. Тышев через 2-х знакомых епархиялок знал расположение комнат училища и их спальни. Это было учебное заведение закрытого типа. Классные дамы вели постоянное

наблюдение за ними, не только во время занятий, но и ночью, - некоторые дежурные спали в их спальнях.

В этом была вся трудность передачи. Тышев заранее на дому встретился у одной понады- матери этих епархиалок- и вместе разработали план передачи прокламаций и инструктаж о часе прекращения занятий и выходе на демонстрацию. Мысля за 2, около 12 часов ночи подошли со свертком, бросили комек земли в окно верхнего этажа, которое скоро откинулось, затем гвоздь со шнурком, но первый раз неудачно, а во второй - попали хорошо, епархиалка его закрепила за подоконник, а затем подняла за шнурок сверток и сбросила гвоздь вниз. Мы начали отходить, пошел сильный дождь, вдруг зажегся свет в той спальне, куда мы отправили сверток, постояли и тихо, тихо начали удаляться ; было очень темно и когда мы подошли к уличному фонарю, то обнаружили что у Тышева на ногах только 1 галоша. Делать было нечего пришлось так и уйти.

Авенбург Коле и Никитину Вале была поручена передача такого же свертка прокламаций в частную женскую гимназию Миркович на Дворянской улице / ныне Равенства/ вблизи спуска с горки. Эту задачу она выполнили легко.

В большую перемену к ним подошла гимназистка, как было заранее условлено, взяла сверток и записку. Все было бы хорошо, но Тышев сделал оплошность, он на следующий день пришел в гимназию в 1 галоше, а в конце уроков швейцар ему сказал, что во время занятий приходил какой-то штатский с галошем, имеющим буквы инициалов хозяина, заходил в гардеробную, осматривал все галошницы и спросил, его какой класс раздевается здесь, где нашел 2-й галос Тышева и ушел. С нетерпением многие ждали наступления 1-го Мая, все в городе знало, что готовится демонстрация,. Занятия в этот день начались

нормально, только порядочное число учеников не было в этот день отпущено родными в гимназию — из боязни. Заранее было условлено, чтобы все после 3-го звонка выходили из класса и направлялись на улицу.

День был хороший, солнечный. Звонок, — все валом из классов и вдруг загремел Марсельезу :

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног,
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский черто.....

и спускаясь со второго этажа по лестнице, обнаружали внизу с обеих сторон ее засевших полицейских.

Вышли на улицу, начали строиться в колонну и здесь видим за решеткой городского сада полицейских. Не обращая на них внимания, мы выкинув красное кумачевое знамя двинулись с пением на Дворянскую улицу и женской гимназии, где гимназистки должны были присоединиться к нам, чтобы вместе выйти на Почтамскую улицу. Они вышли неорганизованно, стали вливаться в нашу колонну и получилась толпа, а в это время показалось человек 40 казаков, несшихся на нас карьером, началась свалка, вся колонна была разбита на отдельные разрозненные кучки. Я попал / среди 7 человек, из них 2 гимназистки / на парадное крыльцо дома, а остальная масса побежала дальше, преследуемая казаками, размахивающими нагайками. Видим в нашу сторону направляются оставшие казаки; я быстро убежал с крыльца, взобрался на забор, а одна гимназистка за мной, поджал руку, помог ей подтянуться на забор, а в этот момент подехавший казак вытянул ее нагайкой по спине, она крикнула и перевалилась в кустарник садика. Остальных с крыльца казаки нагайками погнали дальше. Опомнившись от

всего происшедшего мы увидели, что ее юбка от нагайки разделилась на 2 половины с болтающимися лохмотьями. С трудом мы завязали с ней узелки у подола; на глазах у ней были слезы и, придерживая руками рваную юбку, она двинулась со мной вглубь сада. Подождали пока казаки уедут, а потом выбрались на улицу. Она дремала вся, но не плакала, а мне сказала, что здесь близко живут ее знакомые, до крыльца которых ее проводил. Она попросила, чтобы я не заходил вместе с ней, позвонила, я просто протянул ей руку сказав "До свидания " Георгий" , а она, пожав руку, ответила - " Соня". Я отошел, двери открылись и она исчезла. Так закончилась наша первомайская демонстрация.

После начались усиленные занятия и переходным экзаменам в следующий класс. В городе в этот период происходили обыски, и аресты. Исчезли Шинаков и Тышев. Позже выяснилось, что они были арестованы жандармской охранкой и высланы.

7-й класс из всего гимназического курса выделялся двумя особенностями.

Старого священника сменил молодой - отец Михаил Солицев, который сразу прославился прогрессистом. Он был большой философ, во время урока закона божьего любил поговорить по душе с молодежью, о науке, цели жизни и духовном удовлетворении этой жизни. В то время имели большое распространение брошюры священника Петрова Григория, который был его другом. Он эти брошюры давал нам читать. Все мы, кроме Похвалинского Бориса, относились к нему недоверчиво и жалели своего старого учителя закона божьего.

С Похвалинским Борисом, весной случилась беда из-за этого доверия. Он в пост во время говения на исповеди чистосердечно сказал ему, что в бога не верит, а на следующее утро вместе с нами пришел в церковь к обедне и на причастие. Когда поп автоматически зацепил ложечкой вина / крови христовой / и только начал подносить ее ко рту Бориса, как узнав его, резко отдернул руку пролил из ложечки эту " кровь христову " на пол и на некоторое время все причастие приостановилось, пока Борис не отошел в сторону. Все присутствующие в церкви учителя, директор Вакай и инспектор из учебного округа видели это происшествие. Поп-прогрессист подал директору докладную об исключении из гимназии Бориса, мотивируя тем, чтобы удалить плохую овцу из стада для сохранения его от порчи. Был созван экстренный педагогический совет. Борис висел на волоске, но почти все учителя настаивали оставить его учиться, не ломая жизнь юноши, говорили, что он это сделал неосознанно, а / по ребячеству и что он стоит за государя, патриот царской России.

Вот тут-то Борису помогли его монархические убеждения, которые он высказывал. Поп же наложил на него эпитимью, положить столько-то земных поклонов в церкви и Борис ими отделался; и он больше о душе не распространялся.

В 3-й четверти у нас произошел такой случай. Учитель математики Вайнфельд вызвал к доске Валью Никитина и поставил ему двойку в журнал, а у учителя было правило: отметки всех учеников, кроме журнала, проставлять в своей записной книжке. Через неделю он ему в четверти вывел 2. У каждого

из нас были дневники, где за неделю аккуратно выставлялись отметки и была подпись родителей. Валя подал ему дневник, сказав, что он его в четверть спросил 3 раза и отметки у него две 4 и одна 2. Войфельд на это ему в грубой форме ответил: "а не помни 2 раза по единице, - это забыл".

Валя взял свой дневник и пошел на место. После большой перемены был урок французского языка у учителя Мирам, он был добряк и дал нам проверить по журналу отметки у Вали по тригонометрии и оказалось, что две единицы были подставлены. Вот на эту подлость мы начали реагировать. Договорились бойкотировать Войфельда в понедельник. Весь класс предупредили, что кто не желает участвовать в бойкоте, пусть лучше заболит и не приходит на уроки; таких оказалось 7 человек: Виховский, Левочка, Похралигский Борис и сынки начальников. Мы их предупредили, чтобы они набрали в рот воды, и ни гу-гу, никому.

Понедельник 1-й и 3-й урок у Войфельда / тригонометрия и алгебра /. Он заходит в класс. Все встает. Дежурный читает молитву, тряпку, мел ложит к доске, сам садится. Войфельд открывает журнал и называет одну фамилию. Тот встает, намеревается идти к доске, но сидящие громко, разом говорят: "Садись, садись, садись". Вызванный останавливается, деля вид, что он ничего не понимает, не знает как ему быть. Войфельд обращаясь к нему говорит: "Идите, садитесь" и всем: "что же это вы желаете, что я Вам сделал плохого". Минут 15 уговаривает. Потом успокоившись сам рассчитывает, что на этом конец и вызывает 2-го ученика из другого ряда, повторяется то же "Садись, садись, садись". Войфельд начинает гривить директором и другим начальством. Внимает свои записки, начинает ее внимательно рассматривать, делает

какие -то пометки и оставляет ее на кафедре, а сам подходит к доске, начинает чертить и объяснять урок к следующему разу. Все слушают и записывают. Он так увлекся объяснением, что не заметил, как с кафедры исчезла его записная книжка, вскоре звонок и он ушел в учительскую. 2-й урок / не его / прошел хорошо. 3-й алгебра, он приходит и говорит : " ну вот и хорошо, что вы поняли и в дальнейшем будете вести себя хорошо. После вызова ученика повторяется то же. Он не выдерживает, бежит за директором. Оба приходят в класс, дежурный докладывает директору о происшествии. 2 дня на уроках Вайнфельда нет, на 3-й заседание Педагогического совета. через своего классного наставника Вяткина дежурный передал записную книжку Вайнфельда, как будто забытую им в классе, а сами давно проверили, что у Вали Никитина, никаких там единиц не проставлено, а они появились только в журнале, подставленные чьей-то подлой рукой, которую установить может только директор и педсовет. На следующий день узнаем, что после бурного педсовета затянувшегося до полночи, Вайнфельд срочно переведен в небольшой город за Байкал, где есть гимназия. Так мы расправились с подлецом. От инспектора учебного округа выслушали поучительную речь стоя.

В нашем классе был хороший художник, сын инженера Дачевский Борис, он был членом нашей редколлегии, которая всего 2 раза выпустила классный журнал " Оса ". Дачевский в одной карикатуре, заинтересовавшей многих, очень похоже изобразил всех наших учителей, инспектора Полякова, директора Вакая, а попа отца Михаила в образе ангела хранителя с крестом, парящего на крыльях над ними. Это был 2-й и

последний № "Оси", что-бы не лезти на рожон, перед окончанием гимназии. чаще начали заходить к Никитиним какие то подозрительные люди. В общем установили, что их квартира под наблюдением. До отъезда на работы я всю нелегальную литературу и несколько книг собрал в рюкзак и унес к себе, вместе с удилищем. через день с Валей поднялись на обласке по реке Томи за Исандайку, километра 1 1/2 и на правом берегу на горке "Синий камень" закопали у одной березы всю нашу литературу. Авербург, Рыков и я после экзаменов на время каникул уехали на работу с изыскательными партиями по проведению посейских дорог от переселенческого управления.

Я был принят рабочим на оклад 50 рублей в месяц, а Скаленов миста / ученик другого класса нашей же гимназии / нике-ташистом, начальником партии был студент Технологического института Далецкий, а нивелировщик тоже студент Буров. Вот мы четверо и составляли ядро изыскательской партии. В нашу задачу входило изыскание удобных сокращенных путей для будущих дорог между населенными пунктами в пределах Васюганских болот, расположенных на сотни километров в водоразделе между рекой Обью и рекой Иртышем, севернее железнодорожного пути между г. Омском и Новониколаевском. Мы выехали поездом в гор. Каинск. Прибыли на станцию. Высадились. Подали нам земских лошадей 2 пары, которые нас уже дожидались и мы с багажем понеслись. Там был лязг и стук колес, здесь звонкие переливы колокольцев, которые, если дальше слушать, кажется, как бы поет Чесниг от станции до города Каинск 10 верст и все эти 10 верст мы неслись, чуть не вмах. В ушах звенит, ящик кричит, свистит. Дорога ровная как скатерть, немного пыли. Вот Каинск, вот и

земская. Квартира хорошая : 3 большие комнаты, прихожая, сени и весь камфорт, - 4 кровати, зеркало, портреты царей, икона, лубочные картины, венские стулья и пр. Квартира оклеена хорошими обоями и нет клопов. Смотритель разговорчивый. Покушав, мы пошли осматривать город. Есть сад, театр, полиция, синематограф, женская гимназия и пр. Нам полагалось - по открытому листу от переселенч. Управления из расчета 6 коп. верста- пара лошадей. Невольно вспомнились томские разговоры о том, что изыскателям Великого Сибирского пути нужно было давать взятки, чтобы железная дорога проходила через их город, а кто не давал, то ее отводили далеко. В подтверждение этого: г. Каинск обойден на 10 км, гор. Колывань более 100 км, Томск- 72 км и т.д. Про Томск говорили, что городской голова Некрасов Иван Максимович- купец отказался дать 25000 рублей изыскателям, вследствие чего и появился на диком правом берегу реки Оби гор. Новониколаевск у железнодорожного моста, а старая столица Сибири г. Томск после этого события начал приходить в упадок. Мои товарищи Авербург и Риков поехали в другие партии : 1-й на Алтай к Телецкому озеру, а 2-й к Мариинску и Кузнецку. По территории томская губерния в то время была огромна: от Ледовитого океана- на юге граничила с Китаем, на западе - с Тобольской, Акмолинской губерниями и на востоке - Енисейской губернией.

Работой своей я был доволен.

Начали осуществляться мечты о путешествиях. Все время в движении. В деревнях и селах я ранее не бывал, начал знакомиться с бытом крестьянства.

Мы заказали 2 пары лошадей и свободно устроившись в кибитках со своим багажом покатали в сторону села Шипишино на берегу реки Тартас. Оно от Каинска отстояло верст

150; проехав 35 верст, мы в следующем селе меняли свежих лошадей, на это требовалось не больше 1/2 часа, а пока перепрягали мы что-либо кушали; обычно на земской были всегда готовы: щи, пироги, жареное, квас, молоко и др.

Проехав день, к вечеру были на месте и остановились на земской. Местный поп, как-то быстро узнал, что мы будем работать в их местности и пригласил к себе ужинать.

На следующее утро Дашевский нанял проводником старожила - охотника и мы втроем отправились верхами на разведку местности. Надо сказать, что в Сибири все крестьянское население делилось на сибиряков-старожилов и новоселов. Первые обычно были зажиточными, а вторые бедняками, особенно из Витебской и Могилевской губерний и мало приспособлены к таежной жизни. Им было трудно осваивать отведенную землю / 15 десятин на душу /, которую нужно было корчевать. Государство им давало пособие 200 руб. на семью и бесплатный проезд с имуществом в товарном вагоне и до места. Но обычно они много проливали при прощании и отъезде, расходовали в пути и на месте приезжали уже без денег. Даже у многих не было ружей, что крайне здесь необходимо, так как везде были звери: волки, медведи, рысь...., которые часто наводили панику на целые поселки. Местность была довольно ровная, низменность, лесостепь и вдающиеся языками болота шириной от 2 до 8-15 и даже 30 километров; на них были острова, которые нам и нужно было использовать для дорог. За 2 дня мы обследовали километров 70, а Буров в селе нанял партию рабочих 11 человек по 1 руб. в день. Мы, установив репер / столб отправной точки /, двинулись с визиркой на отведенный поселок "Горемычный", по прямой от ст. Пиницина километров 60. Работа моя сначала была: ставить венки по заданию Дашевского, который пантометром

намечал линии, а если на пути встречался лог, возвышенность или болото, то делал угол и пантометром изменял направление линии. За ним 2-е рабочих волокли пикетажную металлическую ленту, несли металлические колышки и их вкалывали в землю, а Скалепов Митя заносил в пикетажный клетчатый журнал данные: расстояние и характер местности направо и налево от линии в контурах. За ним шел тоже с 2-мя рабочими Буров с нивелиром, 1 работ. был при нивелире, перетаскивая его дальше, а второй с рейкой, устанавливал ее на линии; Буров в журнале отмечал повышение или понижение. Я очень старался, - когда спал в палатке, то перед глазами все время видел вешки, вешки, которые ставил днем. На 3-й день начал работать на пантометре и вести журнал. За день мы в среднем проходили от 2-х до 5-ти километров с перерывом на обед на 2-2 1/2 часа. У нас было 2 палатки, - 1 большая для рабочих. С нами были 4 лошади и 1 обласок. В обласке хранили в брезенте продукты: копченая колбаса, крупы, макароны, сухари и др. Дней через 15 мы дошли до поселка "Горемичный" и убедились, что он соответствует своему названию. Там жило 6 семей в 2-х домах, а остальные еще строились и было очень много невикорчеванных пней. Удали приезда новых новоселов. Обычно лес выжигали, а пни оставались. По окончании работы Дашевский расчитал рабочих и мы переехали в село Биаза.

Это село расположено глубже в глухой тайге. Остановились мы на земской квартире, по нашем приезде узнали о происшествии, случившемся под утро. Кварталах в 3-х от нашей квартиры медведь задавил хозяина дома. Дело в том, как говорили жители села, появился "баловник" - медведь, причиняющий

вред крестьянам. На кануне недалеко от села он задрал корову, выел у нее вымя и ушел, а ночью явился в стойло к корове, которая дико замычала; хозяин с шомпольным ружьем вышел во двор и в темноте выстрелил в медведя, сам же вернулся обратно в хату зарядить ружье, затем направился в сени и только снял крючок с двери, как медведь надел на него в сенях и задавил, — даже ружье так и осталось заряженным. Обо всем этом, нам рассказала оставшаяся в живых хозяйка, она все видела: видела как медведь зашел в кладовку, попил молоко, сметану, повалил горшки, зашел в избу, подполье было открыто, он посмотрел на хозяйку, которая в нем сидела и ушел. Послали гонца в другое село за известным охотником, убившем на своем веку более 50 медведей. На утро этот охотник прибыл на земскую, одноглазый с рубцами на лице и друг. частях тела. Вскоре прибыл и урядник для составления протокола о погибшем и дал разрешение на похороны. Охотник договорился с обществом за уничтожение медведя взять 50 руб. деньгами, 2 четверти водки и угощение во время охоты. День он прогулял, а потом пошел к месту, где лежал труп коровы с выеденным выменем и ушел обратно гулять. Только на 4-й день / оказалось, что он выждал нужного направления ветра /, указал лесину, на которой нужно сделать "лабаз" для него к вечеру, в этот день он был трезв, показал, что медведь придет вон с той стороны и просил, чтобы никто к нему не ходил.

Утром раздались 2 выстрела и медведь был убит. Был доставлен на телеге к земской громадный медведь. Урядник еще задержался в этом селе и купил у охотника шкуру медведя за

25 рублей, а мясо охотник раздал без денег и на нашу долю его досталось порядочно. 1-й раз в жизни я кушал медвежатину, которая была очень вкусной. Особенности этого места были более широкие пространства болот, заросших "рямовыми" сосенками, березками, осиной и высокой травой выше роста человека. Эти "рямовые" деревья отличались особо плотной древесиной, которая трудно поддавалась топору.

При разведке тяжело было продвигаться вперед, так как первому приходилось руками раздвигать траву; при движении мы четверо менялись местом, кричали, пели, вообще производили шум, так как в этой местности было много медведей, которые от шума, обычно уходили от нас, оставляя за собой след-тропу / "сокму" /. Мы ее старались использовать, если она соответствовала нашему компасному направлению. Особенно боялись чистых светлых мест, так называемых "окошек". На этих местах был тонкий слой растительности, а иногда видна была одна вода и попавший в нее обычно тонул. В дальнейшем при работе вся почва под ногами колебалась на значительном расстоянии и мне пришлось видеть, как на наших глазах затянуло одного молодого / лет 20-ти / рабочего-новосела, к которому невозможно было приблизиться, палки и веревки, которые мы ему просали не долетали до него, а он напугавшись кричал, бился стоя и быстро был затянут в трясину до пояса, затем по грудь, шею; вскоре голова исчезла и стало тихо-было страшно. Старожилы в партии инструктировали молодежь, что в случае если кого начнет затягивать, необходимо ложиться на бок и не шевелиться. У нас бывали случаи с лошадьми: начнет тонуть лошадь, рабочий

срубят 2 дерева, концы их засунет под живот лошади, а сам уйдет, только постромку от обласка отрежет и лошадь к вечеру сама приходила на стан. Как вспомнишь, жуткие были эти места, а бывало как выберемся на остров, — твердую почву, — там и деревья громадные, масса плесени, кроны очень ветвистые, днем в 12 часов идешь под ними, даже в солнечный день, лучи через них почти не пробиваются, а сам кажешься ничтожным среди такого темного царства; а в сумерки или к вечеру еще раздаются крики совы. Да, о комарах. В начале работы мы надевали сетки, околыш фуражки и плечи смазывали гвоздичным маслом, а потом все эти меры оставили из-за неудобства. Только вечером перед сном применяли дымокуры. За лето выработался к укусам комаров иммунитет и мы стали относиться к ним более безразлично.

Стан мы меняли 2 раза в сутки : в обед и вечером.

Вот тут-то, нам очень пригодился обласок, в нем мы держали кроме продуктов, нивелир, теодолит и др. оборудование. Его переплавляли по болоту 2-мя лошадьми, запряженными в постромки гуськом. Если одна лошадь вязла, ее отстегивали, оставляли, а другая вывозила обласок на лучшее место. На шею всех лошадей навешивались " ботала". Из болота с большим трудом мы вышли на остров, до поселка " Томиловка " по карте оставалось километров 25 и Дашевский меня верхом отправил в разведку, а сам остался с партией гнать линию дальше. Я с ружьем и револьвером поехал по лесу. Это было уже начало августа и по дороге убил " копнлуху", 3-х птенцов-глухарей и несколько рябчиков. Всю добычу на бичевке перекинул за седло по бокам торса лошади и проехав километров 15 оказался на поляне с перелесками, вдалеке увидел людей косящих траву,

подъехал к балагану и костру, где стоял деревянный жбан с квасом, а людей никого не было, они были подальше. Слез с лошади, начал пить из жбана квас, так как было очень жарко и хотелось пить. Вдруг раздался крик по моему адресу:

" измиршил , измиршил" и ко мне с литовкой бежал мужчина средних лет с большой бородой. Я вынул револьвер, выстрелил в воздух, он остановился, посмотрел на мою гимназическую фуражку со значком на околыше, подошел к жбану и вылил остатки кваса на землю, а жбан бросил со злобой в костер и отошел не сказав ни слова. Когда я доехал до домов поселка " Томиловка", то уже вечерело, погода была жаркая и моя добыча начала портиться, тем более от пота лошади и невыпотрошенная. Я отдал добычу хозяйке дома, в котором остановился, она взяла, понюхала и бросила моих глухарей и рябчиков собакам, подбежавшим к ней. Меня накормила щами, яичницей и дала квасу. Оказалось я попал к новоселам, а не к " кержанам " - старообрядцам и это было мое счастье. Я ей рассказал о происшествии со жбаном и что завтра приедут мои тсварищи из расчета, чтобы во время сна со мной чтолибо не сделали.

За время работы мы прошли 3 линии. Побывали в селах, и деревнях : Кышовское, Шипицино, Куляба, Орловка, Рабиновка, Биаса и др. Остановлюсь немного на отдельных моментах, например: Дошли мы до озера, искупались и покушав сидим у костра, который обыкновенно разводится большой, ночь темная и среди этой темноты особенно хорошо чувствуется у костра в обществе 14 человек.

Рабочие рассказывают анекдоты, сказки, сыпят остроты, но

когда все это иссякнет, тогда выступает на сцену наш гармонист у которого хорошая двухрядка. Начинается пляска, песни и все это продолжается до 11 часов, а потом спать.

через 3 дня мы подошли к большой деревне Вабиновке, где 2 реки Остячка и чека, вторая порядочная. Оставив лошадей и сказав рабочим раскидывать палатки, разводить огонь и начать готовить ужин, мы пошли купаться. После купанья, поднимаемся на берег ба ! Масса народа окружает наш стан, что случилось, а это оказывается любопытные пришли и взглянуть я был дневальным, поторопился к стану и сказал рабочим вещи перенести в палатку, в обязанность дневального входила сохранность всех вещей, . Вабы наташили сметаны, сливок, мяса и др. Я накрошил мяса для жареного, попросил Федота сделать ухват и поставил на огонь. Ухват у нас был каждый вечер новый, а специалист делать его был Федот. Слишком уж дик здесь народ, когда мы стали есть жареное, то они готовы в рот вколотить, все ближе и ближе к нам, так что пришлось ругнуть, чтобы отошли После ужина наш гармонист привел в умиление всех их, несмотря на то, что у них есть свои гармоники.

В этой деревне мы съели первый огурец. Да, вечером я установил пантометр, навел на луну, которую в тот вечер было хорошо видно и показывал им горы и вообще довольно ясные выпуклости на луне, что простым глазом совсем не различить. Проходя через деревню мы встретили местного учителя, который пострадал за свои политические убеждения и был сюда сослан.

Через 2 дня мы дошли до деревни " Ядкан ", стоящей на берегу реки " Ядкан ". Вечером было тоже самое только

" Ядканские " бабы и мужики плясали под музыку с различными выкриками и припевами " расейскими", так как они новоселы.

Во время одной из разведок мы наняли мужика Степана. Этот Степан осельный, убил уже здесь, как говорят, человек 6. Он интересен тем, что типичный " урманый ", ходит по болотам прямо в остяки. Зимой, говорит, приходится дней по 10 быть в болоте и ночевать в одном " шабуре " /азяме-плаще/. Он собирает остякам лосей, которых они убивают, на 3-х лошадях в сани. Степан служил в солдатах и был сослан за то, что городовому в ноздрю забил свисток. Отчаянный человек этот Степан. Но довольно.

Вот так, более 2-х месяцев каникулярного времени были насыщены различными впечатлениями нашей трудовой жизни. Я пытался вечерами у костра беседовать с нашими рабочими-крестьянами о событиях, которые происходят в городах России и в Томске, о забастовках, демонстрациях, о недовольстве царским режимом, но никакой реакции с их стороны не получалось. Лишь потом я выяснил, что у них было недоверие ко всем чиновникам, а меня и других они принимали за них и им становились не понятны мои разговоры. Среди них почти все были неграмотные, так что газета " Сибирская жизнь", которой было у меня штук 30 шла на раскурку махорки. Закончив последнюю работу Дашевский рассчитал рабочих которые по этому случаю погуляли хорошо, а мы выехали в Томск.

8-й класс начался с крупной неприятности. Дело в том, что до Бакая дошли слухи, что несколько гимназистов из его гимназии, где то работают вместе со студентами, а это общение считалось предсудительным для нас. Мой отец узнав об этом написал письмо, чтобы в случае опозданий я заручился справкой о болезни и что я гощу в каникулы у тети. Надо же было случиться, что я на несколько дней опоздал. Родители очень много пережили. Директор официальным письмом вызвал отца и ему пришлось соврать, что я по неизвестной ему причине задержался у тети в Каинском уезде и должен вот, вот прибыть, я приехал на 4-й день, а на 5-й пошел в гимназию, меня сразу же из класса послали к директору, являюсь, здороваюсь " вы ваше высокопревосходительство меня вызвали к себе ". Он молчит, смотрит на меня удивленно, так он еще не " превосходительство ", а потом спрашивает, что до него дошли слухи, что я где-то со студентами, работаю. На это я быстро : " Ваше высокопревосходительство -эти слухи ложны, я был у тети, гостил и заболел, вот вам справка о моей болезни от фельдшера, который меня лечил. Он взял справку, посмотрел пристально и отправил меня в класс. Так я благополучно отделался, а вот Костя Рыков, тот иначе,. Он прибыл позднее меня еще на неделю, пришел в класс и сидит на задней парте, просидел урок, а потом пошел в уборную и оказывается без пояса, забыл его дома, обратно попал инспектору на глаза, к директору и его отправили домой, много с ним не разговаривали, а исключили из гимназии. Несчастный Костя и его мать швея,

которая иглой немного зарабатывала, на жизнь с трудом им хватало, но все таки решили, что Костя будет сдавать экзамен на аттестат зрелости экстерном. Но всего сдавало 4 экстерна, вместе с Костей и все провалились, а из гимназистов - абитуриентов не сдали только 2. К экстернам заранее было такое отношение, что из них почти никто не выдерживал. Несмотря на последний год учения в гимназии я находил время бывать в театре, особенно помню большое впечатление оставила на меня опера " Демон" в постановке Максакова, я забрался на галерку без формы, простоял в проходе в толпе, забыв все на свете, такое глубокое впечатление произвел на меня " Демон" и 2-е впечатление это " На дне " Горького, в досчатом театре на берегу Ушайки между мостами билет 20 коп. Такие билеты были студенческие - без места.

Я познакомился с эсперантистами, узнал, что в Томске существует официальное общество. Все свое свободное время я начал отдавать работе в этом обществе, изучил язык, его мирные задачи. Регулярно посещал собрания. Общество помещалось в верхнем этаже каменного дома на набережной реки Ушайки недалеко от устья во дворе за амбулаторией. У нас там были четверги. Членов было около 200 человек. Наша эмблема была 5-й угольная зеленая звезда, означающая мир во всем мире и общение людей при помощи этого языка. Основателем его был доктор Заменгоф. Многие из нас свободно на нем объяснялись и переписывались со своими единомышленниками на всем земном шаре. Переводной, оригинальной литературы было много, издавалось около 40 журналов и газет. В 1912 году мы получили письмо из Праги от чеха-художника

Гавелька, что он приезжает в Томск, меня командировали на вокзал его встретить и по звездочке на борту пиджака я его узнал, обратился обычным по эсперанто "Дорогой единомышленник" и проводил в гостиницу, а потом мы занимались все свободные члены Об-ва с целью своей практики. Он по русски совсем не мог говорить, а только по эсперанто, по чешски и немецки. Наша гимназия называлась классическая, по окончании ее мы имели преимущество поступать без приемных испытаний в любой ВУЗ, изучили немецкий, французский и латинский языки так, что могли переводить любую книгу на русский, но практики разговора не имели никакой и в результате с нашим гостем Гавелька я объяснялся только по эсперанто, а по немецки не мог.

Надо сказать, что в этот период отец заболел туберкулезом легких и дали ему отпуск для кумысолечения. Он выехал вместе с матерью на Алтай в с. чемал.

Я остался дома один готовиться к выпускным экзаменам на аттестат зрелости. Экзамены я сдал успешно и уплыл по р. Оби с изыскательской партией в сторону Нарыма на работу. Предварительно я оформил поступление в Томский Университет на медицинский факультет с 1. IX. 1912 года. Свою летнюю работу опишу короче. Из села Молчаново мы приплыли к юртам Тискины на левом берегу Оби и от них начали 2-ю линию на поселок Подгорный к устью р. Иксн в р. чая. В нашу задачу входило прогнать линию около 100 километров через глухую тайгу.

По берегам Иксн намечались поселки, а чтобы туда попасть, нужно было по реке чая проплыть с трудом только на лодке 250 километров. Этот путь проделывали Томские предприимчивые купцы со своим товаром для редкого населения на

берегах чаи и Иксы, 1 раз за лето. При прохождении линии приходилось много рубить леса и по карте не дойдя до устья километров 20, Дашевский меня с остяком / нашим проводником / отправил на разведку. Пройдя кил. 12 мы выбрались на открытое место, на горизонте увидели склон, в нашу сторону, небольшой горы, предполагалось, что у подножья его протекает река Икса. Мой проводник, мотая головой, говорит, что это плохое место, гарь и действительно я скоро в этом убедился: Все открытое место заросло высокой травой, в ней лежали обгорелые деревья в виде бревен в различных направлениях. Нам нужно идти по компасу туда, идем по стволу, иногда срываемся и перелезаем на другое, а оно лежит в неподходящем для нас направлении, соскакиваем, часто рвем полы азяма, сами все в саже, как чернокожие, а потом через несколько шагов вновь забираемся и медленно, медленно продвигаемся вперед. За день мы прошли меньше 3-х километров, заночевали, а пищи с собой не взяли, выручила только малина, которая начала поспевать. Вот в гари то я и вспомнил духов, ведьм и разные сказки.

Ночью поднялся ветер и мы услышали в темноте такой концерт, что становилось страшно. Хорошо, что были вдвоем. Утром я выяснил, что все это получается от сухостоя не догоревшего, внутри которого были отверстия, как в труде. Вот воздух от сильного ветра порывами, издает различной силы звуки.

На 2-й день к вечеру мы обнаружили след топора на обгоревшем дереве, затем выросшую рожь на небольшом участке

и нашли тропку, скоро приведшую нас к дому, окруженному полями и крепкие ворота. Начали стучать, никто не выходит, залаяла собака, я взобрался на ворота и кричу, вдруг вижу на крыльце девушку лет 18, прошу пустить нас, дать хлеба и воде напиться, но она сказала: " Хозяин ушел в гости к соседу, вон по этой тропке, недалеко, идите туда ". Пришлось нам отправиться и действительно килом. через 3 подошли по берегу к такому же дому на Иксе. Нам открыл дверь кержак у него был и гость такой же лет 50 с большой бородой, как потом выяснилось, это был муж той 18 -летней которая нас сюда и направила и они там на заимке жили вдвоем. Старушка хозяйка для нас поставила отдельную посуду, хозяин налил по стакану медовухи, мы все выпили. Я обратил внимание, что моя гимназическая фуражка, лежащая на лавке привлекает обоих кержаков. Сказали, кто мы такие и что уже наши подходят близко. Нам наливают по 2-му стакану, хозяйка ставит щи в одной миске для нас двоих. Остяк меня под столом толкает ногой, чтобы я больше не пил. Мы поблагодарили, покушав щей и пошли, но приподнимаясь, я почувствовал, что с трудом встал, если бы выпил 2-й стакан, то мы бы никуда не ушли. Остяк мне по дороге и пос. Подгорному рассказал, что если бы от них не ушли, они могли убить нас.

Эти кержаки особые, они не переносят никакой власти: ни царя, ни попа, ни полицию и друг. чиновников, а я со своей фуражкой для них был настоящим чиновником, да еще идущим со своей культурой / дорогой / к ним. Значит им остается одно из 2-х, или уничтожить нас или самим уходить

еще дальше в глушь. живя здесь, они никому никогда не платили никаких налогов, не знали как выглядит урядник, все у них свое : хлеб, мед, мясо, рыба, молоко, орехи, ягоды и пр. Не было только: соли, пороха, дрови, пуговиц, иголок, ситца, шелка и др. / что они раз в году и покупали у заезжих купцов/.

На обратном пути довольно быстро нашли своих, выяснили, что отклонились с линии километра на 4, исправили и точно вывели ее на пос. Подгорный. 3-я линия была у реки Ягодной, там протекала обычная работа, только со мной случилась беда: купаясь, я начал тонуть в 10 метрах от берега и меня товарищи вытащили и спасли. Вскоре на пароходе вернулись в Томск. В сентябре я начал посещать лекции. Все было очень интересно. При поступлении нужно было представить 3 фотокарточки. Я и не задумывался куда идут эти карточки. Выяснилось скоро. через неделю посещения лекций, иду по коридору, подходит ко мне какой то пожилой господин в штатском и обращается "Георгий Семенович ", я ему отвечаю, что " я вас не знаю ", а он мне на это ", зато я теперь знаю, что вы Рымарев"и отошел.

Я в недоумении рассказываю студенту 2-го курса об этом. Идем с ним по коридору и показываю, что " вот этот товарищ подходил ко мне ". Он мне шутя: " ты еще желторотый птенец, какой это товарищ - это " педель ", он обязан, каждого из нас знать в лицо, вот и изучает по фотографиям, которые висят на стене в проректорской комнате Университета, 2-я на студенческом билете, а 3-я в жандармском Управлении". 1-й курс наш был большой, свободное посещение лекций, сначала

было как-то необычно, что никто не проверяет, сколько человек пришло на лекцию. Особый интерес вызывали лекции по ботанике профессора Сапожникова В.В. Самая большая аудитория была битком заполнена. Он очень хорошо читал лекции по ботанике, приводил такие конкретные примеры, что было понятно и запоминалось легко. "Надо понимать природу, надо познавать жизнь, правду жизни."

Возьмем оплодотворение. Пестик, тычинки, все так устроено, ветер, цвет, запахи насекомых привлекают и тычинки оплодотворяют, а в обществе, вот вы юноши и не подозреваете, что девушки, чтобы понравиться одевают особые платья, их прически, духи и проч. Мой совет, юноши и девушки, не увлекайтесь рано, берегите свою юность, лучшую пору жизни, учитесь, учитесь, и учитесь, а потом придет все и труд ваш будет радостен и полезен для народа".....

В 1912 году на Ленских золотых приисках царил произвол над рабочими, которые не выдержали и забастовали, а капитан Терещенко и казаки произвели расстрел демонстрации рабочих и членов их семей.

Так наводило порядок царское правительство, расправляясь с рабочими.

По всей России и Сибири прокатилась волна революционного движения в виде демонстраций, митингов и забастовок в том числе и в Томске. Другие профессора проводили лекции много хуже. Орлов Петя, как мы его прозвали, читал по химии вяло, тихо, ему было за 60 лет и был он глуховат, при изложении материала даже не интересовался аудиторией, мелом писал на

доске, — звонок и он медленно исчезал с кафедры в дверь. На первых лекциях у него было человек до 400, а скоро дошло посещение до 30 человек. Для него это было безразлично.

Был и такой профессор-священник Галахов, который курс богословия излагал витиевато с многими выдержками из священного писания.

Однажды он распространялся о том, что церкви пришлось предать анафеме графа Толстого Льва Николаевича, как вероотступника, разлагающего своим учением паству, . Все это нам пришлось прослушать; простительно было-бы хот от простого попа, а то от профессора- богослова.

После его лекции идеш в анатомку изучать скелет человека. Лекции по нормальной анатомии профессора Иосифова Гордея Максимовича были интересны для нас медиков, чувствовалось, что в них нет ничего лишнего: . В этот период меня угнетала болезнь отца.

Вернувшись с Алтая в хорошем состоянии, ему бы надо для закрепеления здоровья не работать некоторое время, а сделать этого было нельзя. Осень дождливая и он частенько промокал, появились озноб, ночные поты и отсутствие аппетита. Начал лечиться у доктора Романова, который на монастырском переулке у ложка имел собственный дом, где у него был и частный кабинет по приему больных.

Отец ежедневно ездил к нему, платил 3 рубля за прием. Он назначил ему курс уколов туберкулина Коха. В то время это была новинка в медицине. Д-р Романов на моем отце и других проводил опыт лечения, но сам не следил, как он протекает, а

поручил уколы делать сестре; отец выдержал только 9 уколов, а потом слег из-за повышенной температуры и к нему приезжали домой другие врачи, а Романов отказался поехать. Никто из врачей не посоветовал ему больничного лечения, так как, повидимому, считали безнадежным и 19 января 1913 года мой отец в полном сознании скончался. В тот день утро началось хорошее, появились солнечные лучи в комнате, где он лежал. Отец говорит мне : " Гора, дождался я солнышка, поверни меня на другой бок и я буду умирать, а ты иди сдавай свой экзамен по химии и береги мать ". Мы с мамой были около него и он последний раз вздохнул и все кончилось. В доме поднялся плач, а я, с тяжелым сердцем пошел в университет сдавать зачет по химии.

Петя Орлов взял у меня зачетную книжку, посмотрел, дал лист бумаги, ткнул пальцем в стену и сказал : напишите состав ". Я посмотрел на него, на стену, подтянул лежащую на столе зачетную книжку ближе к себе и поняв в чем дело, начал писать, спустя некоторое время профессор попросил мой написанный лист, и в самом начале увидев написанную формулу негашеной извести исправил ее на гашеную и начал протягивать руку к моей зачетной книжке, а я ее взял и говорю : " профессор, у меня очень болит голова, извиняюсь, я приду в следующий раз ", а он слуху проворчал - " не спал, ночь-то? " и вышел. Так я провалил этот зачет. Но все сошло хорошо. Все знали, чтобы, самое главное, он в зачетной книжке не поставил особую точку, которая играла роковую роль.

Я об этом знал и книжку забрал во время. Придя домой,

увидел, что отец уже лежал на столе, горели восковые свечи и монашка читала молитвы. Мама меня просила сходить к священнику отцу Василию договориться о похоронах. Он уже знал о смерти отца и я не успел войти в комнату, поприветствовать его, как он мне сказал: " вы должны уплатить мне 25 рублей и приходу 15 руб. и разговор был окончен. На 3-й день состоялись похороны, было много народа, рабочие несли гроб на руках через весь город на Вознесенское кладбище по Иркутскому тракту, было много венков и речей на могиле отца. Через месяц мы с мамой переехали на частную квартиру в город. Жизнь потекла по иному руслу.

19 14-20 ГОДЫ.

Для перехода на 2-й курс я сдал положенные зачеты и выполнил практические занятия. На 2-м курсе на лекции нормальной физиологии человека у профессора Кулябко А.А. произошло такое событие. Группой студентов было решено отметить день смерти Льва Николаевича Толстого. Перед началом лекции вышел на кафедру профессор, а староста курса Мигай Сережа встает, обращается к нему почтить память Великого писателя земли русской, все встает и постепенно с нарастающей силой начинают петь: " вечная память, вечная память, вечная память " .... Профессор забегал вдоль кафедры и исчез в дверь ведущую в его лабораторию. Мы же пронев трижды, все сели, ждем начала лекции. Никого нет. Вдруг появились " педеля " / шпикон / . У дверей внизу и вверху и поднимаются на кафедру проректор

Тихов и Кулябоко. Тихов обращается к нам : " студенты, вы оскорбили _____, вы поступили как трусы, почему вы срываете занятия, почему вы не пошли митинговать на улицу, там вы боялись казаков, полицию, а здесь под крылом своей _____ учебу превращаете в демонстрацию против царя и правительства. Предлагаю вам выйти из аудитории и предъявить свои студенческие билеты ". Мы все начали выходить, а педагога записывали наши фамилии. Через 2 дня был вывешен список в 120 человек с преданием их профессорско-дисциплинарному суду.

Настроение студенчества всех факультетов было напряженное, много разговоров, особенно, про мнение губернатора . через месяц состоялся суд над 55 студентами ч сие которых был и я, а остальные по разным мотивам и ходатайствам перед начальством были из списка вычеркнуты и не предстали перед судом. На суде каждому задавалось 5 вопросов, основной - пел или нет ? Я ответил уклончиво : " Я не певец, голоса не имею, но память писателя почтил".

Результаты суда относительно хорошие. Староста Мигай теряет право на выборные общественные должности в течение 3-х лет, я и другие 10 человек в течение 2-х лет, 15 человек в течение 1 года, а остальные оправданы. Никого не исключили.

Вспоминаю своеобразную методику преподавания некоторых профессоров. Я уже касался Пети Орлова, у которого провалил зачет по химии. Был у меня товарищ по занятиям Коля Барташвили-грузин, вот с ним мы и начали усиленно готовить химию. Но, бывало учим, учим, а на улице весна, уже почти

оттаял снег, вот мой Коля и начинает : " Гургий, какая это весна, вот у нас на Кавказе уже цветы, да как пахнут, начинается черешня, а девушки, - что у них за глаза, нет тебе холодному сибиряку не понять, а голос, песни, песни ".... Я ему : " Коля, брось воспоминания, давай продолжать реакции, формулы "... Пошли сдавать, я сдал, а он получил роковую точку после которой еще ходил сдавать 18 раз и не сдал в течение 2-х лет.

Последний раз, как говорили студенты, профессор дал ему в руки гвоздь и просил написать его формулу. Он сидит с этим гвоздем и вполголоса твердит : " профессор, убью, убью ", а тот глухой, обращается к нему: " Ну, что, не знаете, не были на занятиях ". Этот гвоздь для многих был камнем преткновения. Мы потом выяснили, что профессор Орлов во время своих лекций называл этот гвоздь и формулу его - железо, медь, олово / сплав / записывал на доске. у него это служило контролем посещения его лекций.

Старший ассистент нормальной анатомии Макаров отличался тем, что брал на зачете из кучи лежащих на столе костей, одну кость в свою руку, протягивал ее довольно медленно в сторону сдающего и не выпуская из руки бросал вверх, за время полета тот должен был ее назвать. Если он ее определит правильно, то получает 5, а если ошибется стороной / правая или левая / , то 3, а не назовет - 2.

Вот удивительно, что Коля Бараташвили у него сдал анатомию на 5, а из-за точек по химии пришлось ему оставить университет и поступить в военное училище. Еще об одном профессоре Александрове. Он вел курс фармации и фармакогнозии. Читал

хорошо, понятно, записывать его было легко. У меня получились хорошие записки по фармации, которые сохранились и сейчас, ими в то время многие пользовались. 2 раза в неделю он в своей лаборатории принимал от студентов зачеты и экзамены. Обычно к нему записывались человек 12-15. Время подходит, в коридоре сдавший приглашает войти, сдавший садится за стол, принимает зачетную книжку, профессор дает билет и лист бумаги. В билете написано: Аспирин, его состав и приготовление? Профессор занимается тут-же своим делом, пока сдавший не обратится к нему, что готов. Он слушает не перебивая, берет книжку и ставит зачет. Двое сдали, входит 3-й, повторяется тоже, но вдруг при ответе профессор слышит слово: кипятит, он пожимает плечом и просит повторить и если услышит вторично кипятит, встает из-за стола уходит в свой кабинет рядом с лабораторией, иногда берет скрипку и начинает играть, сдавший в недоумении, а это значит забирай свою книжку и уходи, а все остальные тоже должны расходиться, так кончались на сегодня испытания.

Нужно было сказать не кипятят, а вываривают и все. Профессор Александров милый человек, он даже летом у себя на даче на Басандайке может от студента принять зачет, нуждающемуся дать денег, но не переносит не точности и непонимания процесса приготовления лекарства.

Обычно поступало на 1-й курс до 500 чел., 2-й служил как бы фильтром, на 3-й нормально переходило не более 100 человек, а остальные оставались на 2-й, вот и я то же. Летом мы с Подхвалинским Борисом поехали на землеустроительные работы в сторону Кузнецка / Сталинск /, а в августе

переехали в Бийский уезд. Когда мы на параходе плыли под железнодорожным мостом через Обь у Новониколаевска, то 1-й поезд с мобилизованными сибиряками мчался над нами, которые с песнями ехали на Германский фронт. Дальше, подезжая к большому селу Камень, встретили параход с мобилизованными, в Барнауле та же картина, а когда мы от него километров 5 отъехали то с пригорка увидели горящий город Барнаул. Оказывается мобилизованные разбили винный завод, лавки, разгромили магазины, перепились и подожгли Барнаул. Нам нужно было ехать в эстонский поселок "Маленький" километров около 300 и на всем пути на подводах навстречу нам везли мобилизованных в Барнаул. Работы там было немного и мы в сентябре вернулись в Томск. Это была последняя моя поездка от Переселенческого Управления.

В начале войны был патриотический подъем за скорую победу над немцами. Газеты восхваляли наше наступление в восточной Пруссии и уже предвидели победу над врагом. В тылу же нашей армии и в городах царил воровство, спекуляция, взяточничество и разгул в ресторанах и домах. Появлялись в газетах заметки, что кто-то отдан под суд за поставку в армию недоброкачественных сапог, Солдаты, получив новые сапоги, поноси в них и при первом же дожде подошвы отвалились, оказывается вместо кожи были поставлены картон. Правительство явно было неспособно все жизненные неполадки правильно регулировать, да и некоторые большие чиновники были сами замешаны в крупных сделках, наживали сотни тысяч, подрывая мощь России. Быстро начала расти дороговизна жизни. К тому же наступление нашей армии приостановилось. Немцы же впервые

пустили газ-хлор на нашу армию генерала Самсонова и около 150000 солдат пострадало. В армии творились ужасы, никто не был к этому подготовлен, да и не знали что противопоставить этому газу. Сама жизнь учила приспособлению, солдаты разводили костры, смачивали тряпки, полы шинелей и через них старались дышать. Некоторые спаслись и счастье, что скоро ветер подул в обратную сторону на самих же немцев. Вскоре появились маски Зелинского, противогазы. У нас в Томске при Университете открыт был газовый завод, возглавляли его профессор физики Поспелов и Александров. Мы 12 студентов явились первыми работниками этого завода. Нам доставляли желтую кровяную соль, которую где то готовили на крови убитых на войне животных. Завод помещался в небольшом одноэтажном доме, оборудованном мощными электрическими вытяжными шкафами на заднем дворе Университета. В шкафах на штативах устанавливались стеклянные колбы с змеевиками, под колбой газовая горелка, колба заряжалась серной кислотой и желтой кровяной солью и при подогревании колбы газ проходил через 2 фильтра с хлористым кальцием и охлаждалась змеевиком в виду жидкости стекала в особую посуду, помещенную в бачке со льдом. Мы получали цианистый водород / синильную кислоту /, обладающую сильнейшим токсическим свойством. Таких заводов в России в 1916 году было 2: в Петрограде и у нас. Свойство синильной кислоты при температуре $-10^{\circ} - 15^{\circ}C$, она бесцветная жидкость, а при $+2^{\circ}C$ и больше испаряется, чем теплее, тем быстрее. Профессор Александров разрешал задачу утяжеления синильной кислоты мышьяком, но так и не разрешил. Он сам чуть не стал жертвой своих

онитов. Однажды на заводе мы были 2-е, я и Аретинский Виталий. Профессор встал на табуретку, чтобы в вытяжном шкафу перелить из 1-й склянки в 2-ю синильную кислоту, держа их в руках поткнулся ближе к отверстию вентилятора и вдруг свалился, хорошо, что успел склянку поставить в шкаф, а не разлить. Мы его сразу вытащили на снег, сорвали пиджак, галстук, начали искусственное дыхание и он пришел в сознание. Все это готовилось в противовес жестокостям немцев. Говорили, что при опытах в Петрограде 1 граммом синильной кислоты в условиях закрытого помещения можно убить 1000 кроликов, но что бы газ не поднимался высоко. Хранили выработанную кислоту в четвертях, которые помещали в погреб в особых плетеных корзинах до отправки в вагоне леднике в Петербург. Предполагалось, что из четвертей жидкость будет разлита в Петербурге в ампулы по 100 грамм и каждая ампула будет заложена в артиллерийский снаряд дальнего действия, который будет разрываться у немцев и газ их уничтожит.

Думали, что после этих гостинцев от немцев ничего не останется, кроме пустого места. Так Россия отомстит за 150000 жизней наших солдат, отравленных хлором. За свою работу на заводе мы получали по 90 рублей в месяц. Были мы желторотые птенцы, хотели изменить ход войны в нашу пользу.

Что же получилось, потом узнали, что в нашем генеральном штабе была измена. По указке немцев подкупленный ими полковник Постников распорядился всю синильную кислоту из четвертей слить в цинковые бочки и она была обезврежена. Так что отомстить немцам не удалось, а вскоре и завод был закрыт. Все больше и больше приходилось задумываться, что самодер-

важный строй причиняет большой вред народу России. Из-за какого-то принца, убитого в Сараево разгорится империалистическая война между многими государствами, а кому она нужна - народу, чтобы сложить свои головы за царя и капиталистов, наживающих на войне громадные барыши, а сколько она несет бедствий этому народу, сколько вдов и сирот останется после войны. Нет, путь один-революция, свержение самодержавия. Я все больше свободного от учебной работы уделяю "эсперанто". Основная идея этого языка в том, что каждый человек, земного шара, кроме родного языка, должен знать "эсперанто" для общения с людьми других национальностей. Эмблемой являлась 5-ти угольная зеленая звезда, означавшая "мир во всем мире", а лозунг: "весь мир - наше отечество". Правление Томского Общества эсперантистов состояло из 7-ми человек: 1/ Стрижев, 2/ Скальский, 3/ Горохов, 4/ Румин, 5/ Орлов, 6/ Рымарев, и 7/ Поляков. Один из членов правления Орлов Фадей Емельянович в 1920 году был зам. председателя 1-го Совдепа, находящегося в помещении б. тюрьмы на Еланской ул. рядом с домом губернатора. Язык этот выдержал 9 международных конгрессов. Я был избран делегатом от общества и секции эсперантистов 3-го коммунистического интернационала в Париж на 10-й конгресс 2-9 августа 1914 года, но ввиду надвигающейся грозной войны вместо Парижа уехал на работу в Бийский уезд. В 1916 г. пришлось, как библиотекаря Общества, обслуживать литературой эсперантистов пленных: австрийцев, чехов, мадьяр, немцев и др., которых из лагеря отпускали в наше Общество. Многие из них вступили в РСДРП / большевиков / Келемен Акдор, Ковач, Байер и др. На 3-м курсе я занимался

хорошо, успевал проводить все практические занятия, слушать лекции, был старостой курса, а в начале 1917 года все больше и больше народ возмущался войной, создавались очереди за хлебом и др. продуктами, вплотную придвинулась долгожданная революция. Много накопилось зла у народа на царя, отступление на фронте, а в тылу Гришка Распутин, всякие Марковы, Пуришкевичи и пр....

Произошла буржуазная революция, царю пришлось отказаться от престола в пользу брата Михаила, а тот не пожелал садиться на такой престол и вся власть перешла временному правительству. В городах России создались революционные комитеты и в Томске тоже.

3 дня. На студенческой сходке представитель от ревкома рассказал о текущем моменте, что происходит в стране,, многое уже было известно из печати. Он обратился к нам за реальной помощью, брать власть в свои руки. Для этого сейчас же нужно создать народную милицию из студентов и завтра в 6 час. утра захватить важные объекты в городе. Были быстро организованы десятки милиции, которые через своих начальников, получили от него назначения. Я был избран начальником одного из десятков. Приказал своим явиться в подезд факультетской клиники к 5 час. утра, откуда и двинемся на объект.

Первый день. Все собрались аккуратно. Я объявил, что нам поручено захватить 3-й полицейский участок за мостом на Вознесенской горе.

Строем двинулись без оружия. Около 6 час. утра приходим в участок, у телефона дремлет полицейский. Я ему объявляю: "именем революции участок нами захвачен". Он мне говорит: "как же мне быть, доложить приставу или нет, он просил

его не беспокоить".

Я ему : " ну лучше и не беспокой, а садись вон туда в угол и спи ". Я оставил одного студента у телефона, 2-го у входа, а с остальными пошли осматривать помещение и вдруг в большой комнате видим 2 стойки с винтовками, их было 30 штук. 5 человек вооружились ими, а остальные сложили в кучу. Вдруг по телефону сообщают из ревкома, и ним поступило сообщение, что в башне пожарной каланчи при участке запрятан пулемет, обыскать немедленно и доложить. Оставив 4-х студентов в помещении участка и одного во дворе для связи, мы 5 по лестнице полезли вверх, пулемета не нашли, но зато нашли на чердаке одного из устуца много револьверов, финок и др. оружия, завернутого в бумагу и с сургучной печатью. Мы сразу же вооружились по 2 револьвера каждый, а остальные корзинами начали стаскивать в помещение участка. Я доложил ревкому и получил приказ, найти лошадей, погрузить винтовки, оружие и в сопровождении 2-х студентов отправить им. При участке нашелся кучер с телегой и лошадей и 2 воза оружия было вывезено в ревком. Около 8-ми час. утра выходит заспанный пристав в пижаме и обращаясь ко мне просит разрешения позвонить по телефону. Я разрешил, он позвонил полицмейстеру и спрашивает, как ему явиться в форме или без нее на доклад.

Он повидимому, не предполагал, что у полицмейстера такой же десяток студентов. Пристав положил трубку и сидит. Я ему : " именем революции покажите Вашу квартиру и нет ли в ней оружия ". Пристав повел нас к себе, жена была еще в постели и мы туда не пошли, а в кладовых он открыл

шкафы, полки которых были заставлены массой бутылок разных вин. Из населения днем приходили с разными жалобами люди, мы и не знали как с ними быть, достаточно сказать, что настало наконец такое счастливое время—революция и они, забыв свои жалобы, уходили. В 6 часов нас сменил другой десяток.

Второй день.

Я со своим, уже вооруженным десятком, занял небольшую гостиницу на магистратской улице / ныне институт Штамова / рядом в номерах которой были помещены арестованные накануне и ночью губернатор Дудинский, жандармский полковник и другие. По инструкции каждый должен находиться только в своем номере, общение арестованных между собой запрещалось, разговоры по телефону тоже. Передачи только через нас.

Помню, было воскресенье. С 10 часов начали приходить разные посетители с записками от ревкома, что им разрешено свидание. Дежурство этого дня было неинтересное. Приходит жена губернатора с дочерью, я провел их к нему в номер и там остался дежурить студент, так обычно поступали со всеми, но вот появляется молодая особа лет 22 -х, вся надушенная и обращается ко мне с запиской о разрешении ей свидания с жандармским полковником лет 55. Я провожу ее в гостиницу, предлагаю сесть на диван, а сам иду к нему в номер и говорю:

"арестованный, вам Ревком разрешил свидание, пройдите со мной в гостиницу". Он идет, а я сажусь рядом с ней, а ему предлагаю сесть рядом со мной. Это было слишком нетактично с моей стороны, но мы, студенты, уж очень ненавидели жандармов: посидев минуту, которую они оба молчали, а у ней навертывались слезы, я встал и отошел к двери. Они много говорили между собой, а когда разговор стихал, то я подхо-

шли к ним ближе с часами в руках и говорил: " Вамосталось 5 минут", потом 2 минуты и конец свидания. Она обращается ко мне : " еще немного разрешите ", слезы текут, а полковник целует ее и важно разводя рукой говорит : " милочка, не надо просить, мы их скоро приберем к рукам, вот увидишь, не унижайся" я грубо : " арестованный, пройдите в свой номер ". Вот и все, что было на этом дежурстве.

Третий день.

Мы попали в канцармское управление, которое помещалось за реальным училищем в переулке во 2-м квартале в 2-х этажном каменном доме. Этот день дежурства был для всех нас особенно интересным, живых людей мы не видели, но документы, которые мы просматривали очень о многом говорили: разбирали картотеку, находили своих бывших знакомых, за которыми велись наблюдения.

/Тюшев, Шипаков и др./ . Конечно искали себя, но к счастью не находили. Расписки некоторых шников, получающих деньги. Интересна была переписка с другими городами и станциями железных дорог. читали об Ульянове В., Сталине и других. Рассматривали географическую карту России, Сибири и Европы, на которой были помечены особые знаки в местах, находившихся там революционеров под наблюдением. Жаль, что я не снял копии с некоторых документов. В конце дежурства я по телефону просил Ревком, все эти ценные бумаги опечатать и вывезти в архив, а дежурных освободить для других объектов, которых еще много.

через 3 дня отпала надобность в студенческой милиции создались от Ревкома более постоянные кадры, а мы вернулись к учебе.

Так предположения жандармского полковника о скорой расправе со студентами канули в вечность, вместе с царем, его троном и всеми приспешниками. Мы в течение 3-х дней утвердили февральскую революцию для дальнейшей поступи ближе к народным массам. В этот период везде и всюду жизнь была ключом, народ почувствовал свободу в истинном смысле этого слова. Раньше только мечтали об этом, а теперь, пожалуйста, выступай со своим мнением, говори, что хочешь; выплыли на свет различные партии. Тут были кадеты, октябристы, эсеры, анархисты, социал-демократы, меньшевики и большевики, сионисты, чеховерцы, Бунда и др. В общественных местах устанавливали столики и предлагали записываться в эти партии. В народных массах происходило брожение, создавались разные течения, во временном правительстве, которое предполагалось, что будет управлять до созыва учредительного собрания, появились эсеры во главе с Керенским и одновременно создавались самой жизнью Совдеш, первые формы Советской власти.

Я в это время вел активную работу на курсе как староста, в Томском землячестве, у эсперантистов, да еще и женился. Надо сказать, что мы с мамой, переменяв несколько квартир, осели на Гоголевской ул. № 52. На отцовские сбережения купили небольшой дом. Место было веселое, пригорок и из окна кухни видна вся улица за квартал до сада Буфф. Если не было каких-либо общих собраний, то у нас дома всегда собирался народ, то эсперантисты, то товарищи по курсу, по землячеству и намечались какие-либо мероприятия. Успевал я справляться

с учебной и весной перешел на 4-й курс.

В начале лета и ходил в амбулаторию к д-ру Соколову в конце Миллионной улицы при Некрасовской больнице.

Дом на Гоголевской ул. № 52 мы с мамой приобрели у поляка Януевича Яна Андреевича, высланного в период польского восстания из Варшавы.

В этом месте Гоголевская улица между Нечевским и Дроздовским переулками имеет пригорок на котором были в прошлом расположены только 3 дома бывш. наш № 52, б. Штамова № 50 и № 48. Сам дом деревянный штукатуренный 2-х этажный, нижний этаж полуподвальный из 2-х квартир: от ворот 1-я 3-х комнатная и кухня, а 2-я одна комната и кухня.

Во 2-й много, много лет жила в кухне чувачница жук Педагегя Андреевна, а комнату сдавала студентам, в 1-й жили разные люди, долго жила одна швея, которая 2 комнаты сдавала тоже студентам, фамилии их я не помню.

Мы с женой, мамой и старым б. хозяином Януевич жили вверху. Там такое же расположение, только окна во двор посветлее. жили мы в доме все дружно.

улица эта называлась раньше жандармской, а старший хозяин в прошлом из окна дома, как он рассказывал, стрелял диких уток, так как кругом было болото и озера, куда весной садились утки. Он был извозчик, держал несколько лошадей, еще и теперь сохранился после него деревянный сарай на задах двора с конюшнями. Когда мы приходили в этот дом, то Ян Андреевич часто жаловался на ослабевающее зрение от старости, рассказывал о польском восстании в Варшаве, и о надеждательствах, которые ему пришлось претерпеть в тюрьме

и на этапе в Сибирь то Томска, куда он был выслан.

По тому времени он был ярким революционером и много рассказывал интересного из жизни революционеров и совместном пребывании с ними в тюрьме и уговорил нас купить у него этот дом с условием кормить и ухаживать за ним до смерти.

В последний год он заболел, просил написать письмо его племяннице, которая приехала и увезла его к себе после выздоровления: часто к нам приходили товарищи: Тищенко Гриша, Анципенский Вася, Поспелов Шура, Иванчикова Маруся, Аретинский Виталий, Двербург Коля, Варатавили Коля, Иоффе Шура, Дмитриев Жорж, Пономарев Шура, Васильев Егор, Мультиановский Михаил, Ховес Исаак, пленные: Келемен, Ковач, Вайер и др. Помню особенно в 1916-17 году организовали благотворительные вечера от землячества, полученные деньги выделяли красному кресту, помощь политссыльным и нуждающимся студентам, распространяли листовки о мире, прекращении непопулярной империалистической войны, участвовали в первомайских демонстрациях и др. Где то теперь они и живы ли? Гриша Тищенко был жителем Владивостока, приехал учиться в Томск, мечтая побывать в Ленинграде, на противоположном от его родины конце Советского Союза и в 1920 году после колчака в январе был направлен, как врач Красной Армии на 4-х месячные курсы врачей по усовершенствованию в Ленинград. По окончании их на обратном пути был в Томске, рассказывал, что курсы протекали в плохих условиях, приходилось разбирать торцевую мостовую и топить в общежитии чугунные печи, чтобы не замерзнуть, а потом я имел от него письмо, что он поехал с частью Красной Армии преследовать банду атамана Семенова в Якутской области, вот и все о нем.

Вася Акунденский мечтал быть морским врачом. В 1928 году я приехал в Ленинград на 10-ти дневные курсы бактериологов и в списке всех врачей СССР нашел, что Вася живет в Ленинграде, придя к нему на квартиру видел только его жену и дочь, жена сообщила, что Вася врач Легендарного крейсера Аврора, сейчас в Кронштате, дома бывает 36 часов в неделю / суббота и воскресенье/, а это был вторник,, а в четверг я должен был уезжать. Она предложила мне поехать с ней на моторной лодке на крейсер, но мне так и не удалось. Мы с Васей установили переписку, он стремился попасть на сушу, но его с крейсера не отпустили, Я его потом потерял из виду. Шура Поспелов, Маруся Иванчикова и моя жена - это были еще совсем молодые люди, очень интересующиеся всем происходящим, четко и аккуратно выполняли различные поручения, На них меньше обращали внимания, чем на студентов и они лучше выполняли эту работу. Шура Поспелов где то в Москве, а Маруся Иванчикова в Томске. Коля Авербург последнее время был в Иганске за Байкалом, а вот из 3-х Егоров, которых мы делили так Я-Георгий, Дмитриев- Жорж / технолог /, Васильев Егор, где последние 2 не знаю. Мульгановский Михаил / см. фото- сидит у плаката выставки эсперанто /, постоянно живет в Москве. Коля Баракашвили, Шура Коффе, Исаак Ховес не знаю где. Пленные повидимому уехали домой.

У него я учился удалять зубы и принимать больных, прописывал лекарства, на подпись давал ему. через 2 недели перешел в заразную венерическую больницу, где была у меня хорошая практика. Эта работа была бесплатная. Жизненные потребности росли, надо было зарабатывать и я поступил фельдшером в тюрьму предварительного заключения за технологическим институтом на спуске от Садовой ули. за исток, рядом с пивзаводом Крюгера.

Эта тюрьма была рассчитана на 1000 человек / 800 мужчин и 200 женщин /, 3-х этажное каменное здание, рядом 2-х этажное с отдельным двором женское отделение, а в сторону Садовой ул. отдельный двор для больницы с 3-мя деревянными домами. Оклад у меня был 90 руб., суточные дежурства через 2 суток. Кроме меня, фельдшером был Лубяних Иван Иванович - студент с нашего же курса и 3-ья акушерка-фельдшерица. Вся медицинскую часть возглавлял д-р Выховский Миней Самойлович, с его сыном - Девочкой я учился в гимназии в прошлом. Мы с Лубяних надеялись у доктора поучиться медицине, но скоро убедились, что он бегло бывал у нас в больнице, а чаще ездил к начальнику в контору, подписывал какие-то бумаги.

Вспоминаю, что первое время у нас не было работы. Арестованных было очень мало. Однажды вечером во время дежурства сидяк мы втроем на скамье : старший надзиратель, молодой, только, что принятый на работу, прибывший из деревни и я, разговариваем. Молодой говорит : " Какая это работа, нечего делать, наверное зря я поступил сюда, скоро уволят, а старший ему : " глухой ты, совсем глухой, да ведь святое место никогда не бывает пустым, вот увидишь, еще будет много работы".

через неделю я вспомнил этот разговор между надзирателями. В одну ночь были арестованы анархисты — более 1500 человек, многие попали к нам, а часть в другую тюрьму на Иркутском тракте. Пока волна свободы катилась по всей России и достигла Саялина, оттуда другая волна бывших каторжан-арестантов, освобожденных революцией покатила отдачи в Россию, а по дороге их много осело в Томске. Им сразу понравилась партия анархистов, в которую они и вступили. Для преступного элемента эта партия была самой лучшей, но вскоре властям пришлось их в одну ночь арестовать. Много было среди них и хороших людей, но большинство было плохих, испорченных царским перевоспитанием в каторге.

Работы у всего обслуживающего персонала было много. Опишу свое дежурство: в 8 час. утра вступаю, выполняю работу по записям в журнале. Обход больных / лежало в больнице — в корпусах около 100 человек / — перевязки и др. назначения, приготовление лекарств, вызовы и др. 3 раза в неделю к нам приезжал еще 1 врач из пленных, который делал мелкие хирургические операции. Приготовление лекарств отнимало много времени, но мы его скоро реорганизовали.

В день нужно было приготовить до 300 рецептов, вот мы и приспособили для этой работы арестанта Пожидаева, человека культурного. Сами готовили только наркотики и стерилизовали хирургический материал, инструменты и др.

2-й же арестант разносил приготовленные лекарства по корпусам арестованным на лотке. Затем обед и после него было часа 2 более свободного времени. После ужина с 7 час. вечера поверка, одно время было около 2000 арестованных, она тянулась

2- 2 1/2 часа. Ночью были визовы к заболевшим, но редко. Остановлюсь на отдельных моментах.

Большинство арестованных к нам - медикам относилось хорошо, доверчиво, иногда рассказывали за что они попали в тюрьму. История Пожидаева проста, он кончил Реальное училище в Калуге, собирался поступить учиться на инженера, но полюбил девушку из купеческой семьи. Отец узнал о их свиданиях и решил дочь выдать замуж, помимо ее согласия, за сына знакомого купца. Через месяц состоялась в церкви свадьба, а Пожидаев при выходе на пороге ножом в грудь убил жениха, поцеловал невесту, попросил у народа прощения, был связан, судим и отправлен на Сахалин на 10 лет в каторжные работы. Через 3 года бежал, поймали и добавили срока еще 5 лет, а революция его освободила из каторги. Вот его судьба в 30 лет.

Теперь о проверке. Ежедневно помощи. начальн. Новокленов или старш. надзиратель Зонов с 7 час. вечера делали поверку во всей тюрьме. фельдшер обязан был присутствовать. В каждом крыле корпуса были коридоры, носящие названия: холодный, новый, больничный и др.; в них дежурили надзиратели, заходим мы двое, надзиратель свистит в свой свисток, слышится через двери шум, это выстраиваются в камерах арестованные. На двери мелом крупно написано число 48, у надзирателя громадные ключи с кольцом. Он вставляет в отверстие в двери такой ключ, при поворачивании получается особый звон и дязг и открывает двери. В первые дни работы по ночам у меня во время сна в ушах была эта неприятная музыка, но потом исчезла. Да еще волчек-это отверстие на двери, закрывающееся

особым железным кружочком, который со стороны коридора можно повернуть и галзом наблюдать, что делается в камере. Иногда бывало так, заходит поверяющий все выстроились по 2, пар 22 = 44, а где еще 4, показывают на 2-х ярусные нарты, там уже мое дело - фельдшера, осмотреть больных. Света мало, я лезу к больному, слушаю пульс, температуры нет, мимо забелевший мне тихо говорит: " Доктор, переведи меня в больницу, я проиграл в майдан 2 десятка яиц, мне будет плохо, если не отдам ". / яйца давали только в больнице / . Я записываю его фамилию, номер камеры, направляюсь к следующему, поверяющему скучно, да и проверка задерживается, он говорит мне : " я пойду проверять следующую камеру, а вы тут лечите " и уходит, закрыв дверь ключом. Вдруг при осмотре 4-го я обнаруживаю труп, обращаюсь к остальным : " ведь он умер ", а они : " мы ничего не знаем, ваше дело ". Так дальше идет проверка. Поверяющий помечает у себя, чтобы из такой то камеры после нужно вынести труп. На утро Виховский оформляет смерть арестанта в конторе и дело кончается. Лишь потом я узнал, что это такое, оказывается была подсажена начальством " насадка", которую они и придушили. Подсаживали специально, чтобы выведать о бывшем деле, которого не мог следователь раскрыть своими дознаниями. Невольно появлялась мысль, вот так одного закрепят в камере среди 50 таких и погибнешь. С нашей акушеркой начальство при проверке послало еще одного дополнительного надзирателя. В подвальном помещении были 4 одиночных камеры-бивш. смертников, приговоренных к повешению или расстрелу в прошлое царское время. Теперь тут сидели

раскольники с большими бородами, к ним мы обычно не заходили. через волчек видно его, надзиратель спросит, не надо ли фельдшера, а в ответ басом, грубо : " нет, никого не надо " и все. Хорошо еще, что уже не было кандаального звона. жутко было в царские времена в этих местах. Здесь пришлось столкнуться с изнанкой жизни. Я получил хорошую практику. Все шло ровно, но вот в одно дежурство ночью, меня вызывают в женское отделение. Надзирательница говорит, что в одной камере у арестованной схватки и она скоро родит. что делать ? Я студент только что перешедший на 4-й курс, только начал проходит акушерство, а роды еще не принимал . Вот тут -то я вспомнил : " назвался груздем, полезай в кузов ", но надо выходить из положения, даю распоряжение надзирательнице освободить одну небольшую камеру, вымыть сейчас же пол, поставить топчан и оборудовать все чистым, а я пойду в аптеку и принесу стерильный материал и лекарство. ушел, у себя в комнате разворачиваю учебник, читаю, читаю, что надо делать и со стерильным материалом возвращаюсь в отделение и тут мне повезло. Надзирательница говорит, что все сделано, но в другой камере тоже есть одна у которой начинаются схватки. Сразу пришла мне мысль, что одному не справиться и прошу надзирательницу мне в помощь подобрать 2-х опытных арестанток и поставить топчан. у меня оставалось только руководство и контроль, а мои помощницы в этом деле были опытные, как я скоро убедился. Я же наблюдал за соблюдением стерильности, немного спустя к нам прибыла еще 3 -я роженица. В этот период в тюрьме находилось более 400 женщин, да и дело было уже к весне 187года. Приняли 2-х мальчиков, я

вчитал там у себя, чтобы не было разрыва промежности, нужно при прохождении сдерживать головку, вот я и сдерживал, следил за работой сердца, делал камфарные уколы, одному сам перевязал пуговину. С 3-й дело было плохо, оказалось потом особое поперечное положение, после моего дежурства, акушерка наша промучилась с ней сутки и только на 3-й день начальство разрешило увезти ее в клинику, где сделали кесарское сечение и жизнь ее спасли. Вся тюрьма обнесена особым высоким забором из высоких палей-бревен, заостренных вверху, стоящих плотно друг к другу вертикально, да еще и колючая проволока сверху. Над ним кругом вышки и часовые. В мое дежурство из больницы ночью был сделан побег 9 человек. Как потом нашли, был сделан подкоп в одном из больничных барачков. Надзиратель все время находился у двери или в коридоре, в палате поднимали 2 половицы и по ночам попадали под стену. Когда было готово в назначенный срок они выбрались на больничный двор, накинули на пали шнурок с гвоздем, а к шнурку была привязана лестница из марлевых бинтов, первый перерезал ножницами кольчужную проволоку, 3 прыгнули и убежали, а 6-го на палих обнаружил конвой, открыл стрельбу и ранил 3-х человек. Мне пришлось оказывать помощь. 4 убежали - их не нашли. Бывали и такие случаи, бывший каторжанин Кузнецов, лет 40, лежавший у нас в бараке, часто вызывал к себе дежурных, все умолял впрыснуть побольше шприц морфия, он был такой морфинист, что на теле у него сплошь были нарвы, кроме спины, мы их лечили и делали перевязки. Что он делал? Надзор, обьезы у арестованных делал частенько, так - у него

было острое гусиное перо, осколок стекла или ножа, все это находилось в щели нарв, никто не найдет, о если как то передавали морфин в порошке, он делал надрез, вставлял конец пера под кожу и вдвигал порошок, последний растворялся и он чувствовал себя на 7-м небе, а из-за грязи получился абсцесс. Абсцессы были везде на теле, где могли достать его руки.

Как то меня вызвали на квартиру к Зонову, старшему надзирателю, который и жил при тюрьме.

Видно он лежит на подушке на полу, а жена говорит, что у него заболела голова, он принял вот 1 порошок, а 2-й остался на столе, лег и я его не могу добудиться. Я отправился быстро за желудочным зондом, сделал промывание, искусственное дыхание, тер щетками и ввпрыснул раствор атропина. Позвонили врачу домой, а жена говорит, что он в клубе и придет наверное только часов в 6 утра. Это было в 12 час. ночи, он так и не проснулся, остались без отца 4 детей и жена.

Утром д-р Выховский подтвердил, что со стороны медицины все было сделано правильно и что он отравился морфием. Оказалось, что он во время обыска, найдя где то в камере порошки, принес их домой, положил за бошницу, а сам забил и принял вместо аспирина. Трудновато было работать и учиться, а впереди последний 5-й курс, дело подходило к лету. Власть посадили в тюрьму 30-ерев, затем надетов из которых было много купцов и чиновников, передачи им были богатые и надзор был доволен, так что и ему кое-чего перепало. Я стал замечать, что пом. начальника Новокшенов во

время проверки камерн ЭС-еров, передает какие-то письма, что явно нарушало тюремный устав и обращается с ними более вежливо, заискивающе, чем с другими. Я решил уволиться и поступить на лето в Водный округ на Землечерпательницу "Сибарская Х1", где было свободное место фельдшера.

Весной 18-го года я сдал все зачеты и перешел на 5-й курс. С землечерпательницей выехал на плес к "Телячьему перекату" на реку Обь недалеко от устья реки Томи в сторону Ново-Николаевска. Работа моя была - обслуживать медпомощью работающих и членов их семей не более 100 человек. Большинство жили на довольно большой шаланде, мой пункт имел 2 соединяющиеся между собой карты. В одной -я жил, а во 2-й был у меня медпункт. У меня была не работа, а курорт, особенно после тюрьмы. Я отдыхал перед 5-м курсом.

Из окна моей карты закинул удочку со звонком, а на медпункте рядом делалась перевязку рабочему, вдруг звонок, говоришь ему: "посидите немного, сейчас выйду и перевяжу". Да и пациентов то было не больше 5 в день, остальное время купаешься или читаешь, далеко в лес только нельзя было отлучаться, а скучно станет, скажешь начальнику, что надо в город съездить за лекарствами и он отпустит.

Идет параход сверху, на землечерпалке дадут свисток, чтобы он задержался и подплываешь на лодке к нему. Оттуда сбрасывают веревочный трап, забираешься по нему с чемоданчиком на палубу и спрашиваешь, есть ли свободные карты 1-го или 2-го класса, если есть, идешь туда, оставляешь свой чемодан, а сам на рубку и заказываешь официанту, что-либо покушать. На параходе я узнал печальную новость, что произошел переворот власти. При помощи чехословацкого корпуса / бывших

военнопленных / генерала Гайда были свергнуты Совдены в Ново-Николаевске, Томске и др. городах и появился Колчак. Вернее наступил период реакции со стороны элементов- приверженцев старого строя по всей стране, на мгн Деникин, Врангель, в Сибири- Колчак. Этот период был не лучше царского. На поверхность всплыла вся накипь прогнившего, разрушенного революцией самодержавного строя. Появилась колчаковщина, особая контр-разведка, расстрелы, аресты, всюду искали работников совдены, партийцев-большевиков, которые ушли в подполье. Луткие были разговоры в тот период. При перевороте в Томске некоторых арестованных в мешках с борта парохода "Илья Фуксман" сбрасывали в реку Томь, а чехи при проезде поездом на запад от Ново-Николаевска в мешках сбрасывали на ходу русских девушек, которые ехали с ними не желая расставаться. С презрением относились к ним окрестные жители, освобождая их на волю при развязывании мешков. В Омске создавалось колчаковское правительство. Кое-где появлялись консульства иностранных держав и воинские подразделения : англичан, французов, японцев, поляков, и др. через 3 дня побыв дома в Томске я с медикаментами выехал на свою работу на Обь. Мы по реке вверх через через каждые 15-20 дней обычно меняли место работы и последнее было вблизи Яренского затона у НовоНиколаевска. В августе я уволился с землечерпательницы "Сибирская XI" и продолжал учебу.

На 5 курсе я только учился, вся остальная деятельность заглохла, только иногда узнавал, что мои знакомые ушли в леса в сторону Кузнецка, а некоторые ушли вниз к Нариму, . Слышал, что против карателей вверх по Томю, действовал отряд партизан во главе с Щетинкиным. Вся зима 18/19 учебн. года

прошла в напряженных занятиях. Весной сдал государственные экзамены и 4 мая получил диплом врача, а 6/у весь наш выпуск 66 юношей был мобилизован на фронт, остались только девушки в числе 75.

Мы не ожидали, что все произойдет так быстро, что даже не успели сфотографироваться всем выпуском.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

В белой армии.

Воинский начальник выдал нам денежное довольствие 15 руб. на дорогу из расчета 3 рубля в сутки. Погрузили нас в 3 теплушки и мы выехали. Провожавших было много и слез тоже. На станции Тайга 10 человек осталось для следования на Восток, доехав до Омска еще 12 человек поступило в распоряжение штаба, а остальные 44 уже в 2-х теплушках проследовали в г. Троицк. Ехали мы хорошо, топили железную печь, которая была в теплушке, на ней готовили пищу в котелках у кого были. Только один из всего нашего курса Феофанов Данила напялил на себя шинель с погонами капитана, повесил кортик и щеголял, а мы все над ним посмеивались. В Троицке выяснилось, что те генералы в распоряжение которых мы поступили уже давно выехали со своими частями внее и западнее г. Троицк и всех нас направили к Самаре. Проехали станц. Чимны, Давлеканово, остановились на ст. Шестаковка. Стоим, что-то долго. Идем к коменданту станции узнать причину остановки, комендант сказал, что со вторым последним составом он уезжает в Уфу, терпите сесть.

Мы пошли к коменданту села, там писарь складывает в ящик свои бумаги, а комендант уже удрал, выходим на улицу, встречается казачий офицер и спрашивает: "вам куда надо". Мы отвечаем, что назначены к генералу Белову. Он: "ну и хорошо, я оттуда, мы стоим недалеко, километров 100 отсюда, сейчас найдем лошадей и поедем" ... Вынимает чаган и идет в 1-й же двор, а мы видя такую обстановку уходим от него и с трудом находим свои вагоны среди порожняка, оставляемого здесь. Когда все наши узнали, что происходит, да к тому же уже отчетливо слышна с запада стрельба. Забрав свои вещи, едва, едва успели в проходящие вагоны последнего состава сесть, разбросав свои чемоданы на подножках. Вот тут я и вспомнил вновь свою неопытность. Уезжая на фронт я взял запасные сапоги, выходной костюм, 2 смены белья и, самое главное, набрал больше 1/2 чемодана учебников, которые могут потребоваться при работе и рывзак. Вернувшись на ст. Чишмы, выяснилось, что рюкзака с сапогами и прочим нет, остался только чемодан. Узнаем, что дальше проезда нет, красные перехватили путь, но скоро выяснилось, что это неправда, возвращаемся в г. Уфу. Я получил назначение в госпиталь 6-й Уральской дивизии к д-ру Янус.

2 недели его формировали и затем на лошадях выехали вдоль р. Белой к гор. Бирску. В июне все время отступали, только в одном селе пришлось развернуться в школе, где д-р Янус оперировал раненных дней 10, я ему помогал и самостоятельно сделал 2 ампутации нижн. конечностей по поводу начавшейся гангрены и др. мелкие операции.

Особенно хорошо помню Кусинский завод на Урале, куда мы довольно быстро двинулись отступая. Фронтovou линию сдерживали 2 полка : Челябинский и Златоустовский. Д-р Янус с госпиталем находился в самом селе, а я был направлен на передовой перевязочный пункт, километрах в 3-х от села вблизи дороги. Кроме меня на пункте был фельдшер, 2 санитары и 4 солдата, составлявшие комендантскую команду. Несколько километров от нас была передовая цепь и на линии железной дороги броневик сдерживал атаки. По одному к нам шли бойцы-раненные, чаще в палец или кисть, перевязывали их и они шли дальше в тыл, а некоторые шли в тыл стараясь избежать перевязочного пункта. Вдруг ко мне подбегает поручик командир полка 6-й по счету, садится под деревом и просит дать ему записку в обоз в тыл. Я ему отказал, что я не имею права и сам нахожусь в распоряжении командира полка во время боя и спрашиваю, на кого он оставил штаб, наступило затишье. Я верхом поехал в штаб выяснить обстановку, вижу подпоручика, около которого стоят солдаты и 5 военнопленных-красных. Один из солдат обращается к командиру : " так что ваше высокоблагородие, разрешите мне его пристрелить " и показывает на одного пленного. Тот его спрашивает : " почему ты хочешь этого " Он отвечает : " так что у него штаны хорошие ".

Невольню мне пришла в голову мысль, как дешево ценится иногда жизнь. Я узнал обстановку сказал командиру: " прошу этих пленных отправить сейчас со мной, выделите 2-х сопровождающих до перевязочного пункта, а дальше я со своей командой поведу их в тыл".

Штаны у одного пленного действительно были хорошие, каштанового цвета, я ему посоветовал, их лучше обменять на

обыкновенные, чтобы спасти свою жизнь.

Не прошло и 1/2 часа, как мы узнаем, что отрезаны, красными захвачен наш броневик и солдаты бегут. Мы немного со своей повозкой отошли от дороги в растущую пшеницу и слышим кричат бегущие мимо нас солдаты с винтовками наперевес: "переходите к нам, 2 месяца отпуска" и пробежали в село. Можно себе представить, что какие-то 1 1/2 месяца назад отделил от этого момента, когда сидели за книгами, готовились к экзаменам, дома остались мать и жена. О плене я не беспокоился ни сколько, даже был доволен, что так произошло просто. Мы отошли со своей санитарной повозкой глубже в лес, санитару черкасову говорю: "давай разводи костер, будем кашу варить", а тут вижу валяются сигареты и табак "Донато". Взял я сигареты, вставил одну в мундштук и закурил впервые в жизни по настоящему. Закружилась голова и все окружающее стало безразличным. Мы остались втроем: я, черкасов и фельдшер, 2-й санитар и комендантская команда исчезли.

От пулеметной и ружейной стрельбы пули так и отскакивают от камней за которыми мы расположились. Прошло часа 3 вдруг узнаем, что анненковцы-казаки отбили атаку и красные отступили. Мы вновь оказались у белых. Поехали на своей санитарной повозке в тыл, своего госпиталя не нашли. Я вижу у дороги лежит какой-то труп с врачомными погонами. Прону черкасова посмотреть, если жив, то увезем дальше. Он оказался жив, только пьян в стельку, положили его, везем. Когда он проснулся в пути и протрезвел, то оказался корпусным врачом 3-й армии Сахарова. Он узнал, что его спас я врач, сейчас же мне написал командировку в Омск за медикаментами. Ища дальше свой госпиталь мы его так и не нашли и были прикомандированы к вновь формируемому 2-му госпиталю 3-й армии.

доктору Андрианову. Когда я ему показал командировочную в Омск, он был очень доволен, что это поможет для госпитальной аптеки многое достать, вместе составили список и я один в Омске. Иду в санитарное Управление, представляю список, слышу шушукуются сотрудники между собой, а на меня поглядывают, мне непонятно, берут список, а меня просят пройти к генералу, который уже меня ждет. Иду. Генерал / забил фамилии / предлагает мне сесть в кресло и спрашивает: "Давно ли с фронта? Как там у вас на передовой? Всех ли офицеров, в случае ранения, успеваете эвакуировать в тыл? Циркулируют ли санитарные линейки вдоль передовой". Я ему сказал всю правду о самострелах с пальцами и о командире-поручике и о штанах пленного красного, только вдруг мой генерал вижу морщится, приуныл, он ждал от меня услышать хорошие фронтовые вести, а услышал только неприятные, а я еще и подчеркнул в конце беседы: "ваше превосходительство, вы меня спросили о санитарных линейках, так этого нет, практически это делается так, при мне 4 солдата комендантской команды в их задачу входит ловить на дорогах, а если нет, то искать во дворах лошадей с повозками и везти раненых в тыл, а что касается офицеров или солдат, то у нас медиков в этом различия нет, всем оказывается помощь одинаково." Генерал встал: "капитан, я вас больше не задерживаю, получите лекарства". Надо сказать, что погон у меня не было. Аудиенция кончилась. Я получил лекарства и уехал. Все это говорило о развале колчаковской армии, а дальнейшие факты это подтверждают. Я вернулся в госпиталь под Челябинск, где узнал, что часть имущества госпиталя отправлена поездом вагонами до ст. "Петухово", где должен был быть развернут госпиталь, а мы остальные двигались на лошадях. В пути

получили известие, что 2 вагона с нашим госпитальным имуществом не отцеплены на станции Петухово, а проследовали дальше. Д-р Андрианов меня командировал их разыскивать, выдал литер на восток и я поехал. Я насмотрелся на те беспорядки, которые происходили на станциях, особенно в связи с массой беженцев. На вокзалах стены были заклеены объявлениями об отставших от поездов и потерянных родственниках, которых ищут. Вагонов своих я не нашел, но на более крупных станциях оставлял все данные о них с просьбой вернуть на станцию "Петухово" Омской жел. дороги. Доехав до станц. Тайга, я дальше не поехал, а всернул в Томск, где пробыл 2 дня и вернулся на ст. Петухово. Вагоны прибыли согласно моих заявок и госпиталь развертывался. Так прошло 2 месяца / август и сентябрь/. Началась эпидемия сыпного тифа. Наша работа в основном сводилась к дальнейшей эвакуации раненых и больных. Условий для операций не было. Обыкновенная сельская школа и сарай, в которых стелилась свежая солома и на нее ложили больных в ряд головами друг к другу с небольшим проходом для обхода. Нас врачей было 2, фельдшеров 12 человек. Обход делал я, становился на колени, ползешь по ряду между голов, а фельдшер, идущий сзади, ждет распоряжения, берешь пульс у лежащего справа, взглянеш на лицо, грудь, живот и говоришь фельдшеру "сыпной", /значит нужно отнести в определенное место/. Затем слева тоже, вот так и ползешь дальше, сортируя больных и раненых, которых иногда скапливалось до 800 человек. Помню один случай черной оспы. Его изолировали в деревенскую баню. Раненых

перевязывали фельдшера и сестры с д-ром Андриановым и отправляли в 1-ю очередь дальше в тыл. Деревенские сани не устраивали нас при таком быстром большом напилье больных, а их все везли и везли и оставляли у нас. После обхода часа в 4 дня я уходил в перелесок, снимал белье, обтирался спиртом и надевал чистое, а грязное завернутое в восчаную бумагу сдавал в венебойну. В начале октября мы свернулись, переехали в Петропавловск. За это время помню мне пришлось съездить на станц. "Лебяжье" в сторону Кургана и там я видел, идущий с запада броневик, а за ним поезд, весь оцетинившийся штыками и пулеметами. Даже на паровозе только у котла 4 солдат с винтовками на перевес. Потом у строевиков узнали, что это был поезд самого Колчака, двигающийся к Омску.

Во второй половине октября наступило похолодание и мы на лошадях доехали до станц. Исиль-Куль. Видим на путях стоят вагоны интендантского состава. У обозников и санитаров нашего госпиталя плохая обувь, да и как раз небольшой мороз, а в вагоне валенки. Д-р Андрианов написал требование на 150 пар. Мы с черкасовым отправились искать интенданск. полковника за разрешением. Я поднимаюсь в вагон / бывш. ресторан / писарь говорит, что полковник занят и никого не принимает, я его отстранил, прохожу вперед и вижу сидят двое за бутылкой у столика, а декольтированная дама играет на пианино. Я обращаюсь к полковнику, извиняюсь за беспокойство, что вынужден обратиться, что люди нашего госпиталя замерзают, а валенки в вагоне и многие их получают, прошу разрешение на получение и нам,

чтобы обути персонал. Он мне : " ну и беспокойный доктор " и подписал Все были обуты. Дальше к Омску уже наблюдались такие жуткие картины. Пути начинают быть забиты составами вагонов-теплушек, на площадки у тендеров вносят и складывают трупы, умерших в вагоне, голые ноги у них торчат наружу, повидимому обувь кем то снята, а на более крупных станциях их сносят в кучу, чтобы увезти в братскую могилу. На станциях расклеены объявления, что дальше за Иртыш красным не пройти, Омск укреплен надежно, верховный правитель объявляя народу, что дальше отступления не будет ни на шаг, что правительство никуда не поедет. Добрались мы до Иртыша и тут получилось такое скопление, что мы только через 3 суток переехали по мосту через Иртыш, а беженцам солдаты шутя говорили, что ждите реконструкция и тогда по мосту, который выстроит для вас мороз, переедете Иртыш. Так мы и двигались весь ноябрь. До Новониколаевска вдоль полотна жел.дор. пути. Когда же выехали от Омска, то говорили, что Колчан со своим правительством уже давно проехал в Новониколаевск. В Новониколаевске мы задержались до 10/ХП, а нам прибыло пополнение: врач Копылов, уже повзрослел и 3 медсестры. Копылову я говорю: " зачем вы поехали из дома, вот я томич, дальше Томска никуда не поеду ". Мы с собой взяли 3-х сипнотифозных сотрудников нашего госпиталя. Добрались до станции " Тутальская ". Остановились в одном доме на пригорке, выходящим окнами на путь, ночевали, вдруг утром видим, что на косогоре на противоположной стороне пути спешился конный разезд и открыл стрельбу по подошедшему на путь броневнику. Это была разведка красных. У одного из наших санитаров пуля пробилась верх шапки и ударила в печь, стекла посыпались, мы сидели

за столом и все быстро выбежали во двор. Запрягли лошадей и поехали в сторону станции Тайга, где и решили остаться в плену. В тайге мы остановились в 2-х домах: в 1-м большом на улице, медсестры, больные и санитары 10 человек, во флигеле : я и Копылов. Хозяин этого дома был поляк. 2-е суток прожили тихо, потому что польский броневик отбивал атаки, отступающие казаки нас потрепали, видя у ворот выкинутый флаг красного креста, заскакивали к нам, обвиняя что мы не хотим отступить и ехать дальше, остаемся у красных, а сами запрягали наших лошадей и угоняли с собой. У нас остались только 2 лошади. На 3-й день я прошу черкасова запречь лошадь в коневку и мы с ним поехали в сторону фронта, слышим стрельбу, а один путь сплошь забит вагонами, в нашу задачу входило найти прессованное сено для лошадей и продукты для сотрудников. Из одного вагона мы взяли 1/2 туши мяса, а потом доехали до платформы с сеном, я заскочил на платформу, сбросил черкасову шибик прессованного сена, только начал сбрасывать 2-й, как вижу с другого конца платформы вскакивает человек с наганом в руке и кричит на меня : " большевик, большевик убью " и наган приближает к моей голове. Я взглянул и вижу, что сброшенный мной шибик сена упал на путь по которому отступает броневик. Я не растерялся и закричал черкасову и другим солдатам, стоящим с ним : " ребята , скорее уберите сено " и мое счастье, что они бросились убирать, а этот с наганом повернулся к ним посмотреть, я же в этот момент спрыгнул от него с платформы, он выстрелил и не попал. Говорю черкасову : "поедем, нам больше тут делать нечего ". Возвратившись отдали мясо сестрам с

просьбой всем приготовить пельмени. Накормили лошадей, а к вечеру Тайга была захвачена красными. Передовые цепи прошли, мы уже по настоящему были в плену. Вечером покушали пельмени. Состояние было такое, что я вблизи Томска, своего родного города, если даже убит, то мои родные узнают. Удивительно, что как-то был спокоен. Утро. Всканивает к нам какой-то молодой человек в полушубке с 2-мя наганами за поясом и грубо говорит: "господа доктора здесь живут". Наш хозяин и поляк ему показывают на нас, а выговор у него польский. Он к нему: "ты поляк, у нас суд короткий, выходи" и ушел с ним во двор. Спустя минут 5 вновь вскакивает в комнату и уже кричит обращаясь ко мне: "давай золото, давай оружие". Я ему отвечаю, что золота у меня нет, а жалованье я получил бумажными деньгами и вынимаю папку-руб. 400, он мне: "ишь сколько награбил" и содрал с куртки мой серебрянный врачебный значок. От меня он к Кошлову, тот сидит на диване и его трясет. Он его дулом нагана стучает по голове и требует оружие. Кошлов едва выговорил: "Я револьвер - бросил". Он на него: "ищи, ищи ... /выругал/". Кошлов потерял сознание. Я вмешался и говорю, что он револьвер бросил под Новониколаевском, где он будет его искать". Он ко мне: "не разговаривай, у нас суд короткий, выходи". Я иду, а он меня в сенях спрашивает: "а у того доктора золото есть". Я отвечаю, что нет. Видя, вижу, что у стенки стоит поляк, он и меня поставил рядом. К обоим обращается, чтобы мы стояли и ни с места, сам вновь в дом. Спустя немного времени, выскочил, а за ним жена поляка с ребенком, выругал нас и пошел к воротам. Вот и все.

Иду к коменданту за разрешением на проезд в Томск. Не доходя наблюдаю такую картину. Собрался народ у одного вагона, на руках у одной женщины ребенок слышу говорят: "яблоко от яблони не далеко падает". В чем дело, а оказывается белый полковник застрелил свою жену, выбросил ребенка из теплушки и сам застрелился. К коменданту я не мог пробиться. Ведь в Тайге сдалось в плен более 20000 человек. Иду ни с чем от него. Вдруг ко мне подходит какой то человек и спрашивает: " пленный". Отвечаю "да". Он мне: " снимай шубу ". Тут на меня напало, схватываю его за рукав и говорю: " пойдем к коменданту, если такой порядок, то я у него сниму все ". Хорошо, что это было вблизи от комендатуры. Он отстал. Придя к себе говорю черкасову: " жаль, что ты из Кургана, тебе надо ехать назад, а мне в Томск, давай запряги лошадь в кошевку и я поеду".

Зашел к своим в 1-й дом, медсестру попросилшить мне на рукав красную повязку, а на шапку ленточку и выехал. Это было 24 декабря 1919 года, 4 часа дня. Вдруг идет красный обоз Минского полка я попросил ребят попридержать лошадь и они меня пропустили. Внезапно из Тайги вижу на дороге разбитую автомашину, а капот на ней укутан кошмой, я кошму снял и положил в санки под себя. Доехал до раз'езда " Сурапово", захожу, прошу поставить самовар и дать лошади сена. Хозяин говорит, что жена моется в бане, сена он даст и что ему надоели, то белые, то красные. Я ему говорю, что заплачу тройку царскими деньгами. Пока сижу в ожидании хозяйки и чая, под'езжает человек в развалнях, заходит и обращается ко мне: " давай менять мои сапоги на твою кошевку ". Я ему строго: " да какое ты имеешь право, мне фельдшеру красной армии предлагать менять казенное имущество, я еду в Томск за лекарствами".

Он от меня отстал, потом вместе пили чай и он рассказал о Томске, как его брали и все последние новости. Меня беспокоила мысль, что какой-либо кардон меня задержит, ну а дальше успокаивало то, что попаду в тюрьму, а там мне все знакомо. Почевать я не остался, поехал дальше, за Басандайской остановился на дороге в лесу, из стога набрал сена для лошади, сам укрылся кошмой и уснул часа 2, а затем двинулся дальше, уже " Богашево ", переезд и приезжаю домой. Никто меня не задерживал. Вот и окончилась моя служба в белой армии, 8 месяцев / У-ХП / были насыщены разными впечатлениями и я остался жив.

В Томске узнаю, что многие пережив этот тяжелый колчаковский период вышли из подполья : Орлов Фадей Емельянович, Веленец, Келеман, Никитин, Ковац, Ховес Исаак / секретарь газеты Знамя революции / и друг. О судьбе Дисципина Сережи так и не узнал. Из моих товарищей по выпуску и работе Лубяных И.И. скончался от тифа, Феофанова застрелил какой-то казак из его же части, куда он был назначен.

Многие из нашего выпуска умерли от тифа или были убиты. Мы собравшиеся в Томске в количестве 8 человек, насчитывали в живых не больше 15 человек. Вскоре 6 из нас были отправлены в Екатеринбург.

КРАСНАЯ АРМИЯ.

Вскоре по возвращении я был направлен в Г-ль-приемник, находившийся в бывш. Епархиальном училище. Работы в госпитале было много. Мне приходилось разгружать составы с ране-

ними и большими, поступающие на станцию Томск-1.

Весь январь я разгружал. Мы по телефону знали о приходе поезда и обычно во время выезда на станцию. Я и еще врач с санитарями забирались в теплушки с фонарем или свечей, санитар освещал лежащих, а я быстро диагностировал, сыпной тиф унесили в один угол ресторана, возвратный в другой, раненых сразу на подводу и в госпиталь. Трупы оставляли в вагонах до окончания разгрузки всего состава и развоза их по госпиталям. Потом их увозили в катаверную. В 1-х числах февраля я был вызван в санитарную часть 5-й Красной Армии, которая находилась в бывш. 2-х этажном каменном здании управления водного округа за базаром в сторону Томи угол Духовской ул. Нам четверым Обросову А.Н., Скавинскому, Преображенскому и мне в управлении сказали, что всех нас вызвал к себе сам начальник, а зачем не знает. Идем. Поднимается по лестнице женщина лет 25 брюнетка в кожаном пальто с револьвером за поясом и заходит в кабинет начальника. Это была Азарх - начальник. Через немного спустя она нас просит зайти и, приглашая сесть, говорит: " для меня не имеет значения ваши политические убеждения, вас мне рекомендовали, я всех беру к себе, по должности приравниваю к начальникам, будете выполнять мои поручения, ваша задача проверить взятые в плен госпитали, вышибить старых неподходящих врачей и поедем с вами до Владивостока. Предлагаю ознакомиться с отделами моего управления, через 5 дней мы выедем ". Я обратился к ней за разрешением взять с собой жену и одного помощника по проверке материальной части госпиталей. Она разрешила и сказала, что поедем в мягких вагонах. Штаб 5-й Красной Армии

переезжал из Томска в Красноярск в пути были 5 суток. На 3-и сутки с командующим армией генералом Устичевым случилось кровоизлияние в мозг и мы по очереди дежурили около него, оказывая посильную помощь, а на 4-е сутки у меня поднялась температура до 39⁰ С и придя в свое купе я сказал жене, что заболел сыпным тифом. Днем на 5-е сутки жена меня доставила в Красноярске на отведенную квартиру. Я был в тяжелом состоянии и бессознания 25 суток. На табуретках был устроен топчан, жена ухаживала за мной, сама рядом устраивалась на полу. За мной наблюдали 3 врача ежедневно : гражданский-Запольский и 2 наши из Управления, . Частенько я получал камфорные уколы. По выздоровлении мне дали месячный отпуск с выездом в г.Томск. В домашних условиях я начал восстанавливать силы. Профессор Левашов предложил мне подать заявление о желании работать у него в клинике. На совете Университета к этому отнеслись положительно. Ректор У-та профессор Поспелов, профессор Левашов, начэвак и военком начэвака телеграфно возбудили ходатайство об отчислении меня из армии в распоряжение ректора У-та и меня отчислили. Я стал научным сотрудником и ординатором кафедры врачебной диагностики и пропедевтической клинике и начал трудиться на мирном созидательном фронте нашей молодой советской республики. Учил студентов, сам учился и активно участвовал в субботниках и профессорской работе.

17
19 11 = 61 г.

г.Свердловск
ул. 8 марта № 78
кв. № 14.

ВРАЧ-ПЕНСИОНЕР

РЫМАРЕВ Г.С.